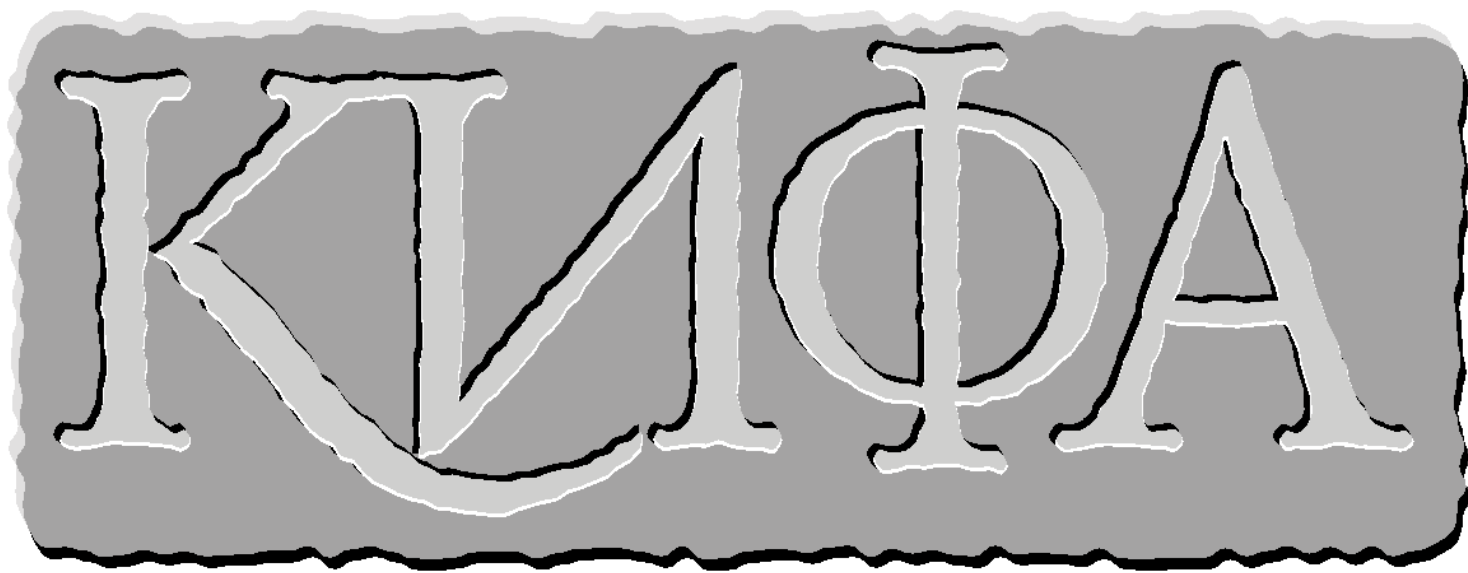

3 (18)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

МАРТ
2004

В газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

ПРОБЛЕМА ИНЕРТНОСТИ

Интервью епископа Полтавского и Кременчугского Филиппа, председателя Синодального отдела религиозного образования, катехизации и миссионерства УПЦ МП

«Кифа»: Ваше Преосвященство, во множестве церковных документов последних лет говорилось о необходимости полноценной катехизации перед крещением, однако все остается по-прежнему. Что сейчас мешает Русской православной церкви наладить полную подготовку к крещению?

Епископ Филипп: Когда люди приходят в храм и хотят креститься, это часто связано не так с верой, как с соблюдением традиции. И для людей часто не важны оглашение, катехизация, им нужно исполнить обряд - и все. Это первая проблема. Вторая проблема - это отчасти инертность нашего духовенства. Иному батюшке проще окрестить ребенка или взрослого и забыть об этом, нежели оглашать, говорить, напутствовать, заниматься катехизаторской деятельностью с человеком, который хочет принять крещение. А ведь это, в общем-то, обязанность каждого священника, как, впрочем, и беседы, скажем, с молодыми при венчании. И тут не нужно раздувать какие-то штаты, создавать какие-то специальные учреждения. При каждом приходе священник просто должен этим заниматься, он должен с полной ответственностью, честно и добросовестно исполнять свой пастырский долг. Если священник это делает - этого достаточно.

«Кифа»: Скажите, пожалуйста, как с этим обстоит дело в Вашей епархии и на Украине в целом?

Епископ Филипп: У меня нет статистических данных по Украине. Я думаю, что на многих приходах, прежде чем крестят, очень много говорят с этим человеком, ведут подготовительную работу.

«Кифа»: Вы требуете этого от своего епархиального духовенства?

Епископ Филипп: Я этого не требую. У нас в Полтавской епархии, особенно в Кременчугском благочинии, где я раньше служил, это считается нормой жизни. Так что уже и говорить об этом неуместно - это нормально.

«Кифа»: А есть какие-то более или менее длительные процессы катехизации или это ограничивается беседой перед крещением?

Епископ Филипп: Это ограничивается беседами перед крещением и перед венчаниями. Перед венчанием - обязательно должна быть исповедь и оглашение. Но продолжительным его делать не следует, потому что нужно брать во внимание людей, которые хотят приступить к таинству. Многие из них не го-

товы что-то длительно посещать, изучать и т.д.

«Кифа»: А как Вы думаете, есть ли какие-то перспективы у длительного оглашения?

Епископ Филипп: Я думаю, что в этой ситуации наше дело - сеять. Человеку нужно рассказывать так, чтобы он услышал. А какие там будут входы - это на волю Божию.

«Кифа»: Есть ли проблема богослужебного языка?

Епископ Филипп: Есть.

«Кифа»: А каковы пути ее разрешения?

Епископ Филипп: Прежде всего, надо пробудить у наших верующих интерес к чтению Священного писания, чтобы мы не были обрядоверами, а действительно понимали, о чем идет речь, как они живут, почему они так верят, что говорит слово Божье. Второе, что касается богослужебного языка. Следует, может быть, вносить какие-то небольшие изменения, какие-то сложные слова делать более понятными.

«Кифа»: То есть такая русификация или украинизация?

Епископ Филипп: Я бы не говорил о русификации или украинизации. Речь идет о замене каких-то устаревших слов более доступными, которая не меняла бы схему языка в целом, так же как и структуру славянского богослужения, но дала бы возможность лучше его понимать. Я думаю, что в этом большого греха нет.

«Кифа»: В Украинской право-

славной церкви МП есть примеры служения на украинском языке?

Епископ Филипп: В моей епархии есть несколько приходов, которые служат на украинском языке с послевоенных времен. И там никогда никаких вопросов не возникало по поводу каноничности или неканоничности славянского языка. Как было заведено после войны, так они и служат. Они находятся в структуре канонической Украинской православной церкви.

Богослужебный язык не является для Украины «камнем преткновения».

Многие обвиняют нас в том, что мы служим по-русски. Мы не служим по-русски. Мы служим на церковно-славянском языке. Но если некоторые приходы хотят богослужение на украинском языке, то я не вижу к этому никаких препятствий.

«Кифа»: Какова, на Ваш взгляд, роль мирян в деле просвещения, налаживания приходской жизни?

Епископ Филипп: Чем больше мирян будет участвовать в приходской жизни, включая вопросы катехизации, воскресных школ, летних лагерей, детских учреждений, посещения тюрем, больниц, мест лишения свободы, тем лучше будет церковная жизнь в целом. Это однозначно.

Беседовал Александр БУРОВ

АНОНС:

У нас все в большой простоте

О жизни православных приходов Испании и Португалии рассказывает иеромонах Арсений (Соколов), настоятель прихода во имя Всех святых в Лиссабоне (с. 2)

Надеяться - это труднее всего

7 марта в Свято-Филаретовском институте прошла встреча братства "Сретение" с

известным церковным деятелем, директором издательства YMCA-PRESS, главным редактором "Вестника РХД" Никитой Алексеевичем Струве. Встреча была посвящена теме "Православие и культура". Мы публикуем фрагменты состоявшегося разговора (с. 4).

На каком языке говорит память?

Как рассказать об ужасе совершенного народом самоубийственного уничтожения веры, культуры, самого себя в лице лучших своих сыновей и дочерей? Разговор, состоявшийся в томском отделении общества «Мемориал» во время встречи с Н.А. Струве, был посвящен тому, как сохранить и передать эту память, не вызывая в слушателях отчаяния, подавленности, агрессии (с. 5).

Не следует смотреть на то, за кого почитают его люди

В дни 130-летия Н.А. Бердяева на страницах «Кифы» о значении его наследия размышляют ректор Свято-Филаретовского института свяш. Георгий Кочетков, философы В.В. Биbihин и С.С. Хоружий (сс. 6-7).

Диалог и проблема границ Церкви

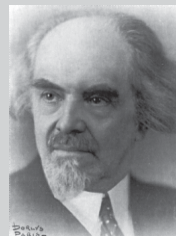
Два материала - один посвящен Содружеству св. Албания и преп. Сергия, другой - обсуждению проблемы папства в Католической церкви - возвращают нас к уже звучавшей на страницах «Кифы» теме межконфессионального диалога (сс. 8-9).

Можно ли упрекать слабых?

Публикацией нескольких материалов, в том числе фрагмента из выступления свяш. Георгия Кочеткова на собрании Свято-Георгиевского братства, мы продолжаем тему итогов и перспектив жизни Преображенского содружества (с.10).

Вышли в свет «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»

В книжном обозрении сегодня - рассказ о новых изданиях (с.12).

У НАС ВСЕ В БОЛЬШОЙ ПРОСТОТЕ

Интервью с иеромонахом Арсением (Соколовым)

"Кифа": Что представляет собой православие в Испании и Португалии?

О. Арсений: В Испании мы находимся на задворках православного мира. У нас в Португалии в данный момент нет ни одного священника. В Испании - в Барселону недавно назначили о. Владимира, но он еще не приступил к исполнению обязанностей, а в Пальма де Майорка о. Макарий из Мексики образовал общину, у него были попытки создания монастыря. Он каталонец и по-русски не понимает.

"Кифа": Кем являются Ваши прихожане по национальному составу, по духовным запросам?

О. Арсений: По национальному составу две трети - это украинцы, остальные - русские, молдаване, грузины, болгары, несколько испанцев. В основном это гастарбайтеры, приезжающие на заработки на 2-3 года.

"Кифа": Нелегалы?

О. Арсений: Да, чаще всего это нелегалы, которые приезжают по туристической визе, чаще всего женщины, которые остаются, чтобы прокормить свою семью: заработать денег и выслать мужу, детям, оставшимся на Украине, в Молдавии. Из России нелегалов практически нет, русская паства - это в основном люди, постоянно проживающие в Испании. То же самое и в Португалии, только украинцев еще больше, из западных областей Украины.

"Кифа": Что-то около миллиона?

О. Арсений: Ну да, представьте себе, население Португалии 9,5 млн. - как в Москве, и каждый десятый - украинец. В этом году украинская эмиграция вышла на первое место, опередив бразильскую. Везде написано "Обмін валюты", так что православному батюшке треба розмовляти українською мовою.

"Кифа": Это создает какие-нибудь трудности в Вашем служении?

О. Арсений: Ну, на Западной Украине специфическая духовность. Там акафисты подавай, молебны. Литургического сознания у них почти нет, очень трудно порой найти взаимопонимание с прихожанками из Западной Украины, но ничего, по милости Божьей и здесь что-то получается.

"Кифа": Я недавно был в Финляндии, это, конечно, не Испания, но там сейчас тоже много русскоязычных, и финские православные священники говорили о том, что часто эти люди ищут в приходе национальный этнический клуб, что это помогает им вспомнить о родине, согреться душевно, но бывает в ущерб церковному служению. У Вас есть такая проблема?

О. Арсений: Да, конечно, люди приходят в храм не потому, что они взыскали Бога, но потому что у них насущная нужда: есть, пить, спать где-то под крышей. И поэтому они встречаются у нас после службы: чаепития, неформальное общение. Поэтому люди помогают друг другу информацией о работе, о бесплатном питании, о благотворительных столовых. Мы в храме вывешиваем информацию обо всем этом, чтобы помочь людям в их нужде. Сейчас законы ужесточились в

Испании и Португалии. Работодателей штрафуют за то, что они берут нелегалов на работу, и поэтому устроиться на работу, особенно мужчинам, очень сложно. Женщина еще как-то может, знаете, за детьми присматривать, за стариками. Мужчине сложнее устроиться на работу. Ну, а в духовном плане, тут тоже есть, конечно, трудности.

Пророк Амос учит нас в Ветхом Завете о необходимости социального служения и поэтому мы не должны забывать о материальных нуждах нашей паствы. Сколько может, наш приход старается общими усилиями преодолевать трудности, которые возникают.

"Кифа": А у Вас есть уже какая-то община?

О. Арсений: До общины нам далеко, конечно, до таких общин, какие у вас. Пока еще общине говорить рано, это как бы цель, которую надо достигать.

"Кифа": Есть ли у вас катехизация на приходе, если есть, то не могли бы Вы сказать о ней несколько слов?

О. Арсений: У нас своя специфика, наши прихожане - это молодежь и люди среднего возраста. Приход состоит в основном из приехавших на заработки, поэтому детей и стариков нет, если не считать троих детей, родители которых постоянно проживают в Испании. Я все время говорю прихожанам, что наш приход без будущего, потому что у нас нет детей, ну и стариков тоже нет. Поэтому катехизация рассчитана на взрослых. Если это можно назвать катехизацией, мы проводим ежесекундные занятия по изучению Священного писания, вместе читаем слово Божие, вместе его изучаем. За минувший год прочли полностью Новый завет.

"Кифа": Какова мотивация испанцев, которые принимают православие?

О. Арсений: Много испанцев приходит к нам на службу, особенно по праздникам: на Пасху, на Рождество. Но эти испанцы - католики, которые интересуются восточной христианской традицией. Православных испанцев у нас на данный момент только двое - оба женаты на русских, один на нашем регенте, до этого он был индифферентен к христианству, он крещен в католичество, но не "практикант", как говорится на Западе. Он обратился через свою супругу, стал активным православным христианином, их дети тоже регулярно бывают на службе. Правда, они сейчас переехали на Юг в Малагу, и они уже не будут приезжать на службу в Мадрид.

"Кифа": Там тоже православный приход?

О. Арсений: Да, приход зарегистрирован, но еще нет священника, нет места, я приезжаю раз в месяц и мы служим в очень большой простоте - арендуем помещение в гостинице.

"Кифа": А второй испанец?

О. Арсений: А второй испанец... вот недавно мы повенчали, первое, кстати, было венчание за два года, Антонино и Эдуардо. Супруг - простой испанский пролетарий, официант, им по 50 лет, мы освятили их брак, который у них уже был. Жена

Антонина - русская из Ленинградской области, живут в Испании уже долго, долго состояли в зарегистрированном государством браке и вот недавно состоялось венчание.

Александр Архангельский: В обеих парах русские жены - вот в чем успехи катехизации.

О. Арсений: Ну, испанцев мы катехизировать и не собираемся, зачем, все-таки священников направляют в западноевропейские страны для окормления нашей паствы. Мы же не будем прозелитизмом заниматься. А иначе как мы будем упрекать католиков в том, чем они здесь занимаются?

"Кифа": Ваш опыт тюремного священника Вам помогает?

О. Арсений: У меня был один поход в испанскую тюрьму, сейчас мне уже больше года делают постоянный пропуск для того, чтобы посещать православных в испанских тюрьмах. Пока борьба с испанской бюрократической машиной продолжается. Я посещал 12 наших моряков, которые отбывают свой срок по обвинению в контрабанде наркотиков. Неизвестно на самом деле, насколько они виновны, потому что денег, чтобы нанять хорошего адвоката, у них нет, а так называемый "государственный адвокат" их прав не защитит. Не только капитан, но и простые матросы, могли не знать о транспортировке наркотиков. В любом случае они нуждаются в духовной поддержке. Один раз меня пустили туда, я там побывал, побеседовал и хотел добиться естественного права посещения, но с этими документами затянули. У испанцев любимое слово "маньяна", т.е. "завтра", приходит завтра, - целый год уже тянется. Вообще у нас все в большой простоте, любой сибирский деревенский храм гораздо более богат, обеспечен, чем любой столичный храм в Европе, вы же бывали, знаете. Кроме, конечно, тех храмов, которые построены первыми эмигрантами. Служение на Западе позволяет богослужебной практике быть более свободной, не скованной, есть возможность беспрепятственно читать библейские тексты на русском языке, Евангелие, Псалтирь. Есть возможность читать евхаристические молитвы вслух.

"Кифа": На русском?

О. Арсений: Нет, с заменой славянизмов, но мы читаем евангельский канон вслух на славянском, а все библейские тексты на русском.

"Кифа": А прихожане как к этому относятся?

О. Арсений: Положительно, за редким исключением некоторых западноукраинцев. Они привыкли к тому, что как скажи в Почаевской Лавре, вот так и надо делать, у них это высокий авторитет - Почаевская Лавра.

"Кифа": Вы проповедуете в храме на богослужении?

О. Арсений: Да, после Евангелия проповедь, на том месте, где она положена. Евангелие, а потом проповедь. Иногда на Апостола, иногда на Евангелие.

"Кифа": Какие особенности Ваших приходов мы не упомянули?

О. Арсений: У нас очень большая текучка, т.е. в течение года приход обновляется при-

Фото свящ. Александра Класена

мерно наполовину, люди приезжают, уезжают назад на Украину или меняют место жительства внутри Испании, поэтому заметных результатов нет. Работаешь с людьми, усиленно занимаешься, а они потом раз - и уезжают, вместо них приезжают новые люди.

"Кифа": Это, наверное, напоминает ситуацию в тюрьме.

О. Арсений: Да. Приходы создаются в Западной Европе для духовной поддержки наших соотечественников, которые оказались на чужбине. А ничто так на чужбине не укрепляет, как общая вера и храм.

Интервью дано 19.08.2003 г.
Беседовал Александр БУРОВ

Послесловие о. Арсения

Все проходит. Прошло семь месяцев после нашей встречи и почти полгода от моего переселения в Лиссабон, на самый край земли, за которым нет ничего, кроме морской бездны, кишащей левиафанами. В Мадриде - новый настоятель, молодой священник Андрей Кордочкин, докторант Даремского университета в Англии. Дай Бог ему успеха в его пастырском служении рассеянным чадам Божиим.

В Португалии на данное время у нас три прихода - в столице, в Порту (север страны) и в Фару (южное побережье). Поскольку своих поместий у нас пока нет, пользуемся любезным разрешением католиков служить у них. Приход в Лиссабоне насчитывает более ста человек. Приходской актив составляют давно и постоянно живущие в Португалии россияне. Однако, старости прихода, что, быть может, не совсем обычно - португалец. Его зовут Жуау Фонсека. У него интересная судьба. Как и большинство португальцев, он был крещен в детстве, но никогда не был практикующим христианином. Так что его обращение не было переходом в православие, это было уверование в православии. Его духовным "отцом", "родившим его благовествованием", была его родная сестра Анна-Мария, уже семнадцатилетняя живущая в Москве. Ее семья (муж - русский, двое детей) - это пример христианской семьи, глубоко верующей и ревностной к добрым делам. Ее-то пример и заставил несколько лет назад приезжавшего к ней в гости португальца пересмотреть свою жизнь и сделать выбор. Вернувшись на родину, Жуау, в Москве родившийся свяще, и стал инициатором создания православного прихода Московского Патриархата в Лиссабоне. На учредительном собрании в 2002 году большинством голосов именно он и был избран старостой. По-русски он не говорит. Но в нашем приходе есть еще другие португальцы, поэтому многое совершается на португальском - чтение Евангелия (после прочтения порусски), Символ веры, некоторых молитв. Сейчас Жуау в Болгарии, уже почти три месяца. Не знаем, воротится ли он оттуда:

у него там невеста.

Национальный состав лиссабонского прихода мало отличается от мадридского: русские, украинцы, молдаване, португальцы, сербы... Костяк прихода, как я уже сказал, - русские, постоянно проживающие в стране. В Порту, где прихожан не так много - тридцать человек - то же самое. Там актив прихода - научная интеллигенция, выходцы из России, преподающие в местном университете.

В Лиссабоне проводим, кроме богослужений, огласительные занятия; в Порту - библейские чтения по вечерам. Издаем приходской листок, открыли сайт (<http://portortho-dox.by.ru>). Все у нас, конечно, очень скромно.

Вы спрашиваете о недавних событиях в Мадриде. По данным секретаря мадридского прихода Владимира Потоцкого, возглавляющего русскую редакцию испанского международного радио, в терактах никто из прихожан не пострадал. В одном из взорванных поездов ехали на работу две наши прихожанки, из церковного хора, но, к счастью, они оказались в уцелевших вагонах.

После испанских взрывов последовали угрозы исламских экстремистов отомстить и Португалии. Как известно, португальское правительство полностью поддержало оккупацию Ирака и направило туда свои войска. После победы социалистической рабочей партии в Испании из стран Евросоюза остаются только три, чьи правительства поддерживают агрессию и ведут войну в Ираке - Португалия, Италия и Великобритания. Как известно, делают они это вопреки народной воле. Но действующие исподтишка трусливые террористы убивают не правительственных чиновников, а простых людей. За ошибки правительства расплачиваются своей невинной кровью те, кто социально очень далеки от правительства, у кого нет бронированных автомобилей и охраняемых особняков, те, кто ездит в метро и электричках.

Как видится, постхристианской Европе нечего противопоставить надвинувшемуся на нее исламскому терроризму, кроме государственной силы. Но, как не раз показывала мировая история, одна лишь голая государственность не спасает цивилизацию.

Выход один: Европе следует вернуться к своим христианским корням. Сегодня перед европейскими народами, быть может, еще острее, чем в XVII веке, когда турки были у врат Вены, стоит необходимость новой евангелизации. Если только ее голос будет достаточно сильным, чтобы быть услышанным на духовной, экзистенциальной глубине.

С любовью во Христе,
иером. Арсений, настоятель
прихода во имя Всех святых,
Лиссабон

В САНКТ - ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАТРИОТИЗМУ

26 - 27 марта в Санкт - Петербурге состоялась организованная СПб Духовной академией и Собором православной интеллигенции межрегиональная научно-практическая конференция "Православие и патриотизм". В ней приняли участие более 100 представителей многих российских городов: преподаватели и студенты ВУЗов, научные работники, военные, политики, бизнесмены, писатели, врачи. Открыл конференцию ректор СПбДА архиепископ Тихвинский Константин. Первый день работы был посвящен пленарным заседаниям, второй - секционным (1-я секция - "Патриотизм: многообразие научных подходов", 2-я - "Православие, национальная культура и государство").

По итогам работы конференции было принято Обращение к русской интеллигенции, к соотечественникам и всем людям доброй воли, в котором истинный православный патриотизм был назван "безусловным национальным идеалом русского народа". Конференция призвала к сохранению духовной идентичности России, исключив при этом "аргументы кляков и козтей", а также "к установлению в России такой информационной среды обитания, которая действительно способствовала бы духовному росту человека, формированию добрых чувств и нравственных качеств". В Обращении содержится и напоминание о необходимости плодотворного взаимодействия Русской Православной Церкви с основными конфессиями других коренных народов России "в форме открытого, доброжелательного и патриотического диалога". Подчеркивалось, что "привлекая лучшее из Европы и Азии, Россия не перестает быть самой собой", и что это во многом делает ее страной будущего.

В работе конференции по приглашению ее оргкомитета принял участие магистр богословия, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Свято-Филаретовского института А.М. Копировский. Ниже мы публикуем тезисы его доклада, вызвавшего большой интерес участников конференции и получившего высокую оценку ее организаторов.

Образ родной земли в иконах русских святых XVI - XX вв. Тезисы доклада А.М. Копировского

Савватий Тверской (Оршинский). сер. XVI в

1. Любовь к отечеству - "земле отцов" - естественное чувство для человека. Оно обычно порождает желание хорошо узнать ее историю, культуру и искусство. Целый ряд икон дает возможность всерьез говорить об иконописном, а не только о живописном изображении нашей родной земли - Руси-России. В соответствии с иконописным канонам она, как и всякая земля, на иконах преображалась, становилась "святой землей".

2. Уже само понятие "святости" предполагает, по буквальному переводу этого слова, "отделенность" земли для посвящения ее Богу, а значит - изменение ее вида. Поэтому земля (в прямом смысле - почва) на иконах изображается условно: либо в виде "поземы" - горизонтальной полосы зеленого или коричневого цвета, либо в виде условных же "горок" с небольшими площадками (по иконописному - "лешадками"). Растительность на иконах также условна: деревья и кустарники, изображенные на них, обычно не имеют характерных признаков той или иной породы и т.д. Здания, в т.ч., храмы, на иконах предельно обобщены или, на-

оборот, декоративны значительно больше, чем в исторической реальности. Все детали изображения при этом насыщены божественным светом.

3. Таковы ровные белые (фактически же - серо-коричневые, сложенные из громадных валунов) стены Соловецкого монастыря на иконе "Свв. Зосима и Савватий Соловецкие" и золотые "деревеса" на иконе "Св. благов. князь Михаил Тверской и его мать Ксения" (обе иконы - XVII в.), где святые подносят Христу, соответственно, Соловецкий монастырь и град Тверь. Монастырь и град здесь вполне узнаваемы (по внешнему виду многих храмов и крепостных башен). Обобщенность и символичность их изображения позволяет им превратиться в "микрокосм" родной земли. На иконе она, при всей ее малости, как бы рождена заново, преображена, мы видим ее взглядом с духовной высоты, с "неба".

4. В ряде икон более позднего времени, испытавшими влияние западноевропейской живописи, эта высота видения снижается. Так, на иконе "Преп. Сергий Радонежский" (XIX в.), где святой изображен в молении Пресвятой Троице за свой монастырь - Троице-Сергиеву лавру, сам монастырь больше похож на архитектурный макет или на собственную уменьшенную (и, к тому же, несколько искаженную) копию, увиденную с высоты "птичьего полета".

5. На иконе преп. Серафима Саровского (нач. XX в.) фигура святого вписана в окружающее пространство как на картине. Это уже взгляд "с земли". Вид Саровской обители, реки, деревьев, при всей их условности, больше соответствует пропорциям земного пейзажа. Применение же иконописных приемов приводит лишь к тому, что все детали этого умиротворенного, светлого пейзажа оказываются похожими на лубок или детский рисунок.

6. В 1950-е гг. была написана широко известная икона "Всех святых, в земле Российской просиявших". На ней - символическое изображение уже не монастыря или города, но всей России. Особенность иконы в том, что сонмы рос-

сийских святых изображены в стилистике древней иконописи, но расположение их осуществляется по географическому принципу. Соловки, Архангельск, Новгород, Москва, другие города и монастыри обозначены здесь своими главными храмами (Киев - пещерами). Вокруг них и изображены жившие или прославленные в этих местах святые. "Святая Русь" представлена на этой иконе как страна, "населенная" святыми. Но при этом неповторимая конкретность русской земли все же остается за кадром. Россия видится как бы "из космоса", и потому становится всего лишь подобием своего изображения на контурной карте.

7. Поэтому в поисках наибольшего соответствия образа родной земли возможностям иконописи мы должны вновь обратиться к подлинным иконам Древней Руси.

Замечательным примером может служить уникальная икона преп. Савватия Оршинского (пер. пол. XVI в.). На ней преп. Савватий молится перед крестом у своей кельи в чаще леса. Самого монастыря еще нет. В левом нижнем углу иконы - река Орша, правый приток Волги. Особенностью иконы является то, что вид креста (такой крест обычно ставился при основании монастыря) полностью соответствует иконописному изображению Креста Христова на Голгофе близ Иерусалима. Так символически передается на иконе то, что преп. Савватий, живший в посл. трети XIV в., провел несколько лет в палестинских монастырях и, совершив паломничество в Иерусалим, привез оттуда на Русь небольшой деревянный крест. Благодаря условному, обобщающему языку иконы Крест увенчивает здесь всю Русскую землю, образом ("иконой") которой становится этот ее неприметный уголок. Горки, во многом соответствующие действительному рельефу местности, украшены кустами и деревьями, подобными райским. Это сочетание Голгофы и райского сада становится, на наш взгляд, одним из лучших, наиболее глубоких образов родной земли в русской иконе.

В РОССИЙСКОМ ПРОКАТЕ ПОЯВИЛСЯ ФИЛЬМ "THE PASSION OF THE CHRIST" - "СТРАСТИ ХРИСТОВЫ"

В российском прокате появился фильм "The Passion of the Christ" - "Страсти Христовы". Его автор, один из популярных актеров, успешный режиссер и "оскаровский" лауреат Мел Гибсон рассказывает языком кино о мучениях и крестной смерти Спасителя.

Еще до появления ленты на американских экранах вокруг фильма разгорелись нешуточные споры. Режиссеру вменяли в вину то, что фильм чрезмерно натуралистичный, кровавый и антисемитский. Некоторые критики действовали по принципу, хорошо известному из истории советской литературы: "Не читал, но осуждаю", и делали все возможное, чтобы он не дошел до массового зрителя.

Отметим, что споры разгорелись, прежде всего, в мировоззренческой сфере. В отличие, скажем, от Скорсезе, Гибсон постарался максимально приблизиться к Писанию. Картина решена в иконописном формате. Арамейский и латинский языки, на которых говорят герои, усиливают это ощущение и дают потрясающее чувство реальности. И эта реальность заставляет вздрогнуть "мир сей".

Люди, настроенные на волну развлечений и удовольствий, всеми правдами и неправдами пытаются уйти от религиозных вопросов, от вызовов вечности. И они, разумеется, найдут тысячи предлогов, чтобы переиначить, перетолковать

и даже высмеять работу режиссера. Антисемитизм? Ну да, в Евангелии содержится антииудейская полемика, и в истории это, увы, нередко понимали поверхностно. Но если кто-то когда-то неверно, в антисемитском ключе истолковывал слова Писания, это не значит, что Благая Весть не может звучать на языке киноискусства.

Натурализм? Тут все не так просто. Гибсон принадлежит к католикам-традиционалистам, и лента его органично связана с традициями Западной Церкви. Конечно, он слишком много говорит о страданиях и почти не затрагивает тему воскресения. Благая весть - Христос воскрес! - звучит только в финале, секунд 30. А так...

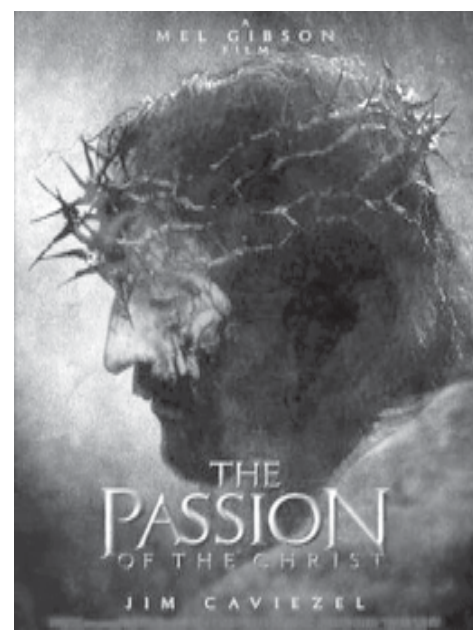
Вот, к примеру, сцена бичевания: солдаты-садисты (это видно по их лицам) избивают Иисуса сначала тростями, потом особенно варварским инструментом - флагрумом, или "кошкой-девятихвосткой", бичом, сплетенным из множества кожаных лент с кончиками из зазубренного металла, чтобы цеплять и срывать кожу и причинять огромную потерю крови. Все это показано до ужаса детально. Показывая страдания Спасителя, режиссер кое-где отходит от исторической правды. Так, Иисуса по пути на Голгофу постоянно бьют, хотя евангелисты об этом умалчивают. Тела распятых вместе с Ним разбойников своей белизной производят странное впечатление. Они не

были подвергнуты бичеванию, хотя известно, что над Иисусом были совершены точно такие же издевательства, которые совершались и над другими преступниками, приговоренными к крестной смерти.

В фильме немало "лирических отступлений" - фрагменты воспоминаний о детстве Иисуса, о Его проповеди, о Тайной Вечери. При этом тема Небесного Царства, "света в конце туннеля" присутствует каким-то невинным пунктиром. И здесь возникают вопросы. Но не в контексте натурализма и крови, а в контексте православного и католического мировосприятия.

Акцент на земных страданиях Спасителя не характерен для православия, в частности, для православия российского, порой балансирующего над пропастью монофизитства. Достаточно посмотреть тексты народных духовных стихов XVI - XIX вв., чтобы убедиться в этом. "Народ не хочет видеть кенозиса Христа, народ отвращает взоры от страданий распятого Господа, - но лишь для того, чтобы искать этого кенозиса и этих страданий, разлитых повсюду в жизни человеческой", - пишет о поэзии "калик пещерожиж" Георгий Федотов.

Но, может быть, такой католический реализм сегодня не так уж и плох, и кто-то из зрителей обратится к первоисточнику? Прочитает Евангелие от Марка, к примеру, как сделал это в свое время

митрополит Антоний (Блум)?

Нельзя отрицать миссионерское значение ленты американского режиссера: он свидетельствует о христианских ценностях. Но нельзя не согласиться и с теми, кто утверждает, что этот фильм явно не для слабонервных, и духовная его составляющая не столь очевидна, как того хотелось бы.

Борис КОЛЫМАГИН

НАДЕЯТЬСЯ – ЭТО ТРУДНЕЕ ВСЕГО

7 марта в Свято-Филаретовском институте прошла встреча братства «Сретение» с известным церковным деятелем, директором издательства YMCA-PRESS, главным редактором «Вестника РХД», профессором Нантерровского университета (Париж), членом Попечительского совета СФИ Никитой Алексеевичем Струве. Встреча была посвящена теме «Православие и культура». Мы публикуем фрагменты состоявшегося разговора.

Н. А. Струве. Почему вопрос взаимосвязи, взаимоотношений между православием и культурой остро ставился в зарубежье, в эмиграции? Прежде всего потому, что последние двадцать лет до-революционной России были одним из самых высоких моментов культуры в европейском масштабе, и эмиграция явилась не осколком, а частью этой культуры. Другая часть осталась в России, тут она как-то сопротивлялась, или истреблялась – как мой дед любил писать в своём «Дневнике политика», культура «сбивалась». За рубежом в условиях свободы она процветала, она творила – стоит только назвать четырёх основных мыслителей, которые участвовали и в трех исторических сборниках «Проблемы идеализма», «Вехи» и «Из глубины» (я имею в виду П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка).

Есть одна сторона этой проблемы, вопрос, который не успел быть поставлен до революции, и ставился, может быть, более теоретически, за границей: некоторая «размолвка» между церковью и культурой. В этом смысле нам очень повезло, потому что эту проблему очень остро ощущал митрополит Евлогий (Георгиевский). Вам всем известно, что митрополит Евлогий (это интересно еще и символически) не соблазнился сомнениями в церкви как институции и не усомнился в своем собственном призвании благодаря чтению русской классической литературы. Он открыто пишет, что ее живительная струя просто спасла его в общем затхлом и часто разлагающем воздухе духовных семинарий. И мы в эмиграции даже при моем, немножко «запоздалом» поколении, жили воздухом культуры, глубоко связанным с жизнью церкви.

Конечно, говоря об этом, нужно определить, что значит культура. Она не есть какой-то объем разносторонних знаний. Культура начинается с жеста или выражается жестом, выражается в любом отношении к себе или к другому. Культура жизни, культура поведения, в этом смысле, конечно, есть возделывание самого себя. Она прежде всего определяется этикой, неэтичной культуры не может быть, как не может быть неправдивой литературы.

Когда я пишу об этом в своих статьях, я люблю отправляться от двух формул, в каком-то смысле разнородных, но вместе с тем «сходящихся». Одна формула принадлежит Осипу Мандельштаму: «всякий культурный человек в нашем веке – христианин». Другая – формула Шарля де Фуко: «всякий христианин должен быть культурным человеком».

Если останавливаться на формуле Шарля де Фуко, невозможно не учитывать того, что «природной» культуры уже нет, её становится всё меньше и меньше. Распространяется цивилизация, и христианин должен на эту цивилизацию отвечать и эту цивилизацию перерастать – поэтому христианин должен быть культурным человеком в полном смысле этого слова.

А переходя к формуле Осипа Эмилевича Мандельштама – на каком-то своём этапе культура неизбежно приводит к объективному признанию христианства как высшего знания, как высшей правды. Потому что всякая культура возможна только при двух связанных друг с другом условиях: один этический, который идёт с самого начала, а другой – это мо-

мент смысла. Рикёр любил называть христиан пророками смысла. Бессмысленная же культура не мыслима, это есть *contradictio in adjecto*. Другое дело абсурдизм, как снятие какой-то патины, снятие какой-то позолоты, снятие внешнего слоя, что культуру искажает. Утверждая, что вне религии, и в частности вне христианства как высшей реальности не может быть культуры, – мы предупреждаем о том, что произойдет, если из сегодняшнего мира будет «выветриваться» христианство, понимаемое как пророчество о смысле: ему будет грозить дальнейший упадок культуры, мир перестанет быть культурным и станет цивилизационно-техническим.

И последний вопрос, который связан с нашей сегодняшней темой «здесь и сейчас» – это страх перед так называемой «мирской культурой», страх, который связан со смешением понятий космоса и того, что «от мира сего». Вся ве-

стоянии удержать в некоторой разомкнутости собственный контекст, дать возможность в нем родиться кому-то. Ясно, что никакая культура не может «штамповать» личности, тем более гениев. Они неизвестно как появляются. И в безвоздушном пространстве они, как известно, могут появиться – просто тогда они уходят непризнанными. Поэтому, наверное, мне хочется спросить: не кажется ли Вам, что есть необходимость нам всем быть озабоченными вот этой способностью культуры репродуцировать контекст? Не хочется мириться с тем, что нечто приходит, просияет, вспыхнет фейерверком и погаснет, не хочется отдавать себя на милость эпохи, которая может повести и не очень повести. Не означает ли это, что наша обязанность, не взирая на то, что уходит время, уходят люди, много чего проваливается в неизвестность, и мы сильно рискуем, всё-таки наше дело – оста-

сеевич. В этом смысле для меня очень важен тот опыт, который был в нашей молодости. Нам некогда было спрашивать: «А что дальше?»

Что помогло собрать наше братство? Что помогло сделать то, что мы сделали? Что помогло нам удержаться, устоять тогда, когда наши оппоненты против нас двинули все имеющиеся силы?

С самого начала мы видели, что традиция и внутренняя логика нам говорят, что должно быть то-то, то-то и то-то, и что-то из этого есть, но многого просто нет в церкви. Это не значит, что против этого всегда борются – борются лишь иногда, этого просто не делают. И тогда мы поставили тот вопрос, который нас спас. Мы просто стали брать на себя всё то, что в церкви, на наш скромный взгляд, должно было бы быть, но чего не было. Мы восприняли это как волю Божию, которую надо исполнять, потому что это был некий императив, императив совести. Церковь не может жить бессмысленно. Я тогда придумал для себя такую формулу: Церковь есть полнота духа и смысла. Мне было чудесно сегодня услышать (к сожалению, впервые) формулу Рикёра о пророчестве смысла. Я бы к этому добавил – «и духа». Понятно, что смысл – это логистическое начало, это специфика западной культуры. Для нас более характерен акцент на пневматологической стороне. Но на самом деле всем понятно, что одно другое предполагает, что это две стороны одной медали. И одно без другого, более того, не существует. Господь нас призывает к совершенству, но мы почему-то никогда не задаём себе вопрос: к какому совершенству? Для меня ответ таков: это совершенство духа и смысла, полнота духа и смысла. И везде, где есть умаление духа и смысла, там умалется дело Божье, там умалется Церковь, то есть совершается что-то недолжное нами же самими или вокруг нас. Поэтому вопрос «что делать?» не встаёт. Слишком много этого умаления, слишком много этой ущербности и в духе и в смысле, куда бы мы не пришли, к чему бы мы не обратились, и в культуре, и в церкви, и в храме, и в таинствах, и в догматике, и в чем угодно.

Мне кажется, что дополняя вот эту логистичность и пневматологичность, живя по принципу дополнительности, можно решить все те вопросы, которые интересуют наше братство, те, о которых мы сейчас говорим. И поэтому я хотел обратиться к Никите Алексеевичу именно этот вопрос: что Вы думаете об этом принципе дополнительности, о том, что культура и духовная жизнь всегда строятся по принципу – делай то, чего не хватает по свидетельству твоей совести в твоей жизни для полноты совершенства, и ты найдёшь волю Божию, и ты найдёшь и свой личный путь, прежде всего. И еще – что Вы думаете о двуединстве, если можно так сказать, логистического и пневматологического аспекта, о том, что если быть пророком, то пророком и духа, и смысла?

Н. А. Струве: Я не вижу, что можно возразить на Вашу формулу. Я думаю, что дух и смысл – они творят, они действительно являются творцами культуры. А в том, чтобы творцами то, чего нет – это немного другой момент, я бы сказал, тактический, потому что можно не только восполнять пустоту, но и возделывать что-то уже существующее. Главное, как мне кажется, в этих усилиях не терять надежду. Как известно, у Пеги главная добродетель – это надежда. Он пишет, что любить – это в каком-то смысле легко. Как не любить? Без любви вообще жить трудно. Верить тоже легко, потому что красота самоочевидна. А надежда требует гораздо большего устремления духа. Любовь имеет свои объекты, вера имеет свои объекты, а надежда основывается лишь на любви и на вере. Поэтому надеяться – это труднее всего.

Н.А. Струве на встрече с членами братства «Сретение»

лика литература, начиная с греческих трагиков, не от мира. И вообще культура – не от мира сего. Она – возделывание этого мира, но в его первозданной красоте. Мир создан красивым, и из этой красоты рождается культура. Так что страх перед светской культурой, с которым сталкиваешься в какой-то части церковного общества, очень опасен, ибо это чужанье мира, чужанье космоса, чужанье творчества. Эта проблема была правильно поставлена у Бердяева в его статье «Спасение и творчество». Если под спасением понимается какое-то абстрагирование самого себя из мира, сознательно противопоставляемое творчеству, если церковь будет именно это исповедовать, то её обряд превратится в ритуализм, её спасение превратится в абстракционность и она потеряет язык. То, что в семинариях на самом деле и происходило: семинарский язык, при всей его благочестивой тональности, был языком неживым, суконым, не передающим вышнего смысла, – когда в церковной среде теряется язык как передача смысла, как общение и тем самым как творчество, то это грозит для церкви большой опасностью.

Так что всякий христианин должен быть культурным человеком, но именно в перспективе возделывания, творчества над собой, над миром, над обществом.

Давид Гэзьян: В то время, которое наступает сейчас, когда ушел Сергей Сергеевич Аверинцев, мы выходим на некое глобальное противоречие. Культура тогда высока и мощна, когда она в состоянии себя не только сохранять, но даже и репродуцировать, когда она в

состоянии удерживать в некоторой разомкнутости собственный контекст, дать возможность в нем родиться кому-то.

Н.А. Струве: Знаете, я отчасти отвечаю на этот вопрос делом. Я издаю журнал, в котором стараюсь как раз не снижать культуры, дать перспективу, ориентацию. И я это делаю, хотя знаю, что распространение его весьма ограничено, что официальной церковью он абсолютно не востребован, даже наоборот. Но я считаю, что нужно делать то, что можешь делать. Это не есть какая-то грандиозная задача, приходится довольствоваться довольно скромной, я бы сказал, мудростью: там, где что-то можешь сделать, делай. Нужно делать с перспективой, не отчаиваться – это как раз не так легко, в виду слабых сил.

В этом смысле есть призвание христианина не только в нравственном смысле следования за Христом, а гораздо шире, в смысле творчества и преобразования творения. Былая монашеская хозяйственная культура, это тоже культура, это есть преобразование земли. Культура есть преобразование – языка, чувств, мыслей, реальности, космоса, она есть участие в красоте. Думаю, что это входит в задание христианина, именно сужение христианства до личного спасения мне всегда казалось не то что опасным, но очень односторонним. А это преобладает в лексике. И у Бердяева была очень правильная интуиция, действительно пророческое слово, что спасение должно исполняться творчеством, точнее сотворчеством.

Свящ. Георгий Кочетков: Я не знаю, может быть, я старею, но я очень согласен с тем, что говорил Никита Алек-

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT ПАМЯТЬ?

С 9 по 11 марта известный публицист, главный редактор журнала "Вестник РХД", глава издательства "УМКА-Press" профессор Никита Струве посетил г. Томск, где провел множество встреч: с архиепископом Ростиславом, главой томской епархии, с руководителями местной администрации, с преподавателями и студентами семинарии и университетов. Во время поездки областной Пушкинской библиотеке, а также библиотеке государственного университета за счет средств Солженицынского фонда было передано более 5 тысяч экземпляров книг издательства "УМКА-Press" и издательства Свято-Филаретовского института. Поездка была организована благотворительным фондом "Фавор" (г. Томск) и Свято-Филаретовским институтом (Москва). Одна из наиболее интересных бесед состоялась после посещения музея, которое томское общество "Мемориал" организовало в бывшем здании ОГПУ-КГБ - музея, где хранятся фотографии, следственные дела заключенных, расстрельные списки, написанные очевидцами картины массовых захоронений жертв репрессий.

Вопрос: Никита Алексеевич, хотелось бы услышать о Ваших впечатлениях от встречи с обществом "Мемориал".

Н.А. Струве: Одно из самых сильных впечатлений о Томске - это посещение вашего музея. Я считаю, что этот музей - большое достижение. Для осознания того, что произошло с Россией и со странами, которые ее окружали, необходимо сохранять память о том, что произошло Богоубийство и человекоубийство. Но трудность этой памяти в том, что она должна сопровождаться философско-нравственным осмыслением.

Мы в эмиграции в каком-то смысле причастны к этой проблеме. Так получилось, что то издательство, в котором мне повезло участвовать, одной из первых своих книг выпустило книгу Бессонова "Двадцать шесть тюрем и побегов с Соловков". Кстати, она исчезла совершенно, осталась теперь только в архивах, у нас ее больше нет. Пиком нашего издательства был "Архипелаг ГУЛАГ", который я считаю книгой века - потому что это свидетельство было услышано во всем мире. Сила слова Александра Исаевича, слова, основанного на личном опыте - это то, что его слово универсально, что в его произведениях российское слово достигло универсального значения.

Но мы были причастны к этому отчасти и как свидетели, потому что в 1945 г. на Западе оказалось немалое количество бывших пленников, гастарбайтеров. Они не знали, возвращаться им или не возвращаться. Оставаться тоже было страшно, но возвращаться было страшнее. Недалеко от Парижа был свой пересыльный лагерь. И большинство из них, вернувшись, попали в лагеря. Так что мы в каком-то смысле были свидетелями распространения гулажской репрессивной системы на российское население за рубежом. И вот я сейчас вспоминаю, как в это время, четырнадцатилетним мальчиком, я был свидетелем похищения невозвращенцев, которых мы принимали. Я был один в квартире на втором этаже. Я не знал, что в эти дни на первом этаже ночевал один из них, молодой студент. Вдруг слышу крики: "Помогите! Спасите, товарищи!". Кинулся к окну - и вижу: черная машина стремительно выезжает со двора. Когда я тут же спустился вниз, то увидел, что дверь взломана, на ступеньках кровь... Так что советская миссия действовала за границей, не стеснясь.

Подобным образом был похищен в Париже генерал Миллер, большой праведник эмиграции, пусть и генерал. Он вышел из дома и так и не вернулся. Его выкрали в 1937-м, и так он на Лубянке и погиб. Его расстреляли в 1939 году и тут же сожгли его тело. Сохранились его письма, такие невинные - он писал тюремщикам, Ежову, умолял передать сведения семье, писал, чтобы ему дали Библию в камеру, прислали сочинения Ленина. Он писал заместителю патриарха, умолял, чтобы его повезли на Пасху в уцелевший храм (он был очень верующим человеком). Ни одно письмо не дошло. О его реальной судьбе семья узнала пятьдесят лет спустя, и даже больше, если не ошибаюсь. Так что мы в этом смысле оказались все-таки соучастниками этой боли в нашем далеком Париже.

Меня иногда спрашивают, нужно ли об этом говорить в школах, рассказывать детям? И я всегда говорю: нужно. Но все время понимал, что трудно об этом говорить, потому что передача об

этом ужасе молодым, неискушенным, свежим поколениям без какого-то осмысления может повергнуть их в недоверие или в отчаяние.

Вопрос: Никита Алексеевич, коль у нас сразу такой содержательный разговор пошел, мне хотелось бы узнать Ваше мнение о той проблеме, которую Вы совершенно точно обозначили. Это действительно наша проблема - мы, занимаясь этой темой, очень серьезно столкнулись с вопросом: как донести? Сама тема требует даже какого-то иного, если хотите, языка, уровня разговора, лексики и многого другого. Об этом невозможно рассуждать, писать, тем более кому-то что-то рассказывать на уровне публицистики, на уровне сенсации.

Н.А. Струве: Я считаю, что тут есть один общий универсальный контекст. XX век - это век антропологических катастроф, и то, что случилось в России: ГУЛАГ, истребление, самоубийство народное - это аспект антропологических катастроф XX столетия. Это не частный случай.

Что касается языка - то эта катастрофа так, как она отображена и передана в литературе (я имею в виду, в частности, поэзию Мандельштама) через преобразенный язык жертвы может оказаться более внятной для молодежи. Когда это будет услышано не только через голые страшные фразы, а в то мгновение, когда вы про себя произносите:

"Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте, -
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей!
...За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных - пасмурный, оспенный

И приниженный - гений могил..."
Вот через такие пророческие свидетельства, оплаченные собственной кровью, я думаю, можно идти до сердца и ума молодого поколения, которому все это может казаться чужим, и чуждым, и давним, а может быть, и преувеличенным. Я думаю, что это один из возможных путей - говорить через художественную литературу, где все это, действительно, преобразено светом жертвы и светом страдания. Она может быть и прозаической. Есть несколько страниц "Архипелага ГУЛАГа", где Солженицын говорит, что на гниющей тюремной соломе впервые ощутил счастье. Без этого преобразования страдания очень трудно передавать этот опыт людям и даже самим себе. Невозможно осмыслить страдания или зло в чистом виде, без того, что его может как-то освятить.

В чем сила "Архипелага"? В том, что все это преодолено изнутри и дан положительный ответ на эту катастрофу.

Я думаю, через такие страницы прозы или поэзии можно заинтересовать молодежь. Есть довольно естественное, вполне человеческое желание отмахнуться от этого, забыть. Потому что все имеют какую-то свою ответственность за это, за то, что случилось с человеком. Тут есть нечто сходное с первородным грехом, который разделяют все.

Вопрос: К сожалению, это действительно так. Когда у нас в городе на месте массовых расстрелов был открыт поклонный крест, и мне пришлось рассказывать об этом по телевидению в прямом эфире, пошла такая агрессия, которой я просто

Н.А. Струве с членами общества "Мемориал" у памятника жертвам репрессий

не ожидал. На телефоне сидели мои бывшие студенты, и одна из девочек даже плакала, такое шло агрессивное неприятие того, о чем шел разговор. Потом, когда в юбилей Сталина, 5 марта, мне опять пришлось выступать, - та же самая картина. К огромному сожалению, проблема у нас еще и с тем, что в массовом сознании - и не только у пожилых людей, к сожалению, но и у более молодых - существует вообще очень агрессивное неприятие, отторжение, нежелание даже говорить о том, что было.

Н.А. Струве: Знаете, мы с Александром Исаевичем вместе присутствовали при открытии мемориала в Вандее. На то, чтобы это совершилось, потребовалось два столетия. В наших французских учебниках революция идеализировалась, потому что она продлилась не так долго, как российская катастрофа, которая, мягко говоря, несколько затянулась. Французская Революция длилась пять лет, но в этом пятилетии были зародыши всех тех катастроф, зверств и человекоубийств, которые тут, в России, за десятилетия получили полную свободу, полный разгул. И музей в Вандее показывает эту полную рационализацию жизни вплоть до селекции, до решения о том, кого именно нужно уничтожать. Там все было в зародыше, уже с некоторым исполнением: там впервые топили людей на баржах, там впервые заперли в церкви семьи людей с детьми и подожгли эту церковь... Однако праздник 14 июля и до сих пор остался. У нас в нашем небольшом парижском предместье в 1989 году по улице провозили гильотину с торжественными песнями. Так что нам тут нечего краснеть за то, что не так легко передавать память. Франции потребовалось окончательное падение коммунизма и разоблачение всей этой социально-убийственной утопии, чтобы свободнее подходить к собственной французской Революции.

Вопрос: Выходит, что не нужно, скажем, требовать смены названий проспекта Ленина, площади Дзержинского, значит, все закономерно? А наша общественность требует смены названий, разборки памятников тех вождей, которые были.

Н.А. Струве: Это необходимо, но нужно это делать как-то не механически. Я помню один из тяжелых моментов в моих путешествиях по России, когда мы в Иркутске шли от гостиницы в библиотеку, и все улицы, которые мы проходили, были улицы убийц, включая улицу имени нашего французского убийцы

Марата. Я думаю, что хотя бы имена непосредственных убийц нужно постепенно забывать.

Вопрос: Меня поразило, что в Германии есть музеи на месте концлагерей - то, чего у нас практически нет, а ведь это то же самое время, 30-е годы. Но надо сказать, что немецкий народ очень подавлен постоянной памятью о прошлом. Мне кажется, что это вопрос ответственности и способности ее понести. Ведь Солженицын именно через ощущение ответственности за свидетельство, ответственности перед всеми этими страдающими людьми пережил и преобразил свой опыт. А те люди, особенно молодые, которые сейчас не готовы взять на себя ответственность, они так и будут отражать эту память. Для того, чтобы ее понести, надо иметь в душе тот "корень", о котором говорится в Писании. Наверное, и в этом проблема, и никакими внешними способами ее не решить.

Н.А. Струве: Ничего глобального и тотального, кроме террора, не бывает. Хотя такое восприятие правды, истины и особенно вины и ответственности, но ответственности именно в философском, духовном смысле - это трудное дело.

Вопрос: Это личностное дело?

Н.А. Струве: И личностное, и общественное. Но тем не менее в этом смысле не надо рассчитывать ни на какие быстрые успехи, потому что настолько проще от этого отмахнуться, что это желание забыть отчасти можно понять.

Вопрос: Никита Алексеевич, а какими Вам представляются когда-то актуальные и для Франции, и, наверное, особенно для России, метания от свободы к несвободе? Что для Вас само понятие свободы?

Н.А. Струве: Я считаю, что это величайшее благо - свобода, какие бы ни были с ней связаны искушения (потому что ею часто плохо пользуются, мы это знаем даже из личной жизни). После 70-летнего отсутствия свободы у нас будет много издержек. И меня это совершенно не удивляет. Меня совершенно не удивляет то, что произошло в России после падения коммунизма. Было бы крайне удивительно, если бы из коммунизма вырос бы какой-то органичный, плавный, добротный период. Тем более, что идеальное общество и идеальное единение нигде и никогда не существовали и не существуют.

В разговоре участвовали члены томского отделения общества «Мемориал» и корреспондент газеты «Кифа»

НЕ СЛЕДУЕТ СМОТРЕТЬ НА ТО, ЗА КОГО ПОЧИТАЮТ ЕГО ЛЮДИ

Интервью ректора Свято-Филаретовского института, священника Георгия Кочеткова

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) родился в Киеве в аристократической семье. Его мать была из рода князей Кудашевых, а отец - потомственный военный. В возрасте 10 лет родители отдали его в кадетский корпус, но когда стало ясно, что военная карьера ему чужда, они не стали настаивать на ее продолжении и Н. Бердяев поступил на естественный факультет Киевского университета Святого Владимира и одновременно начал посещать семинары и лекции по философии. В студенческие годы он увлекся марксизмом и участвовал в одном из тайных социал-демократических кружков - это закончилось месячным тюремным заключением в 1898 и ссылкой в Вологду в 1901-02 году. Здесь он познакомился с видными марксистами своего времени А. А. Богдановым (впоследствии исключенным В. И. Лениным из партии большевиков), А. В. Луначарским (будущим министром Просвещения Ленинского правительства), Б. В. Савинковым (будущим "великим террористом" от эсеров). Уже в ссылке Н. Бердяев разочаровывается в марксизме и начинает искать способ его модернизировать, в этом он находит союзников в лице "легальных марксистов": П.Б. Струве, С. Н. Булгакова и др., с которыми сотрудничает с 1904 года в газете "Новый путь". После поражения первой русской революции 1905-07 годов Н. Бердяев едет в Париж, где происходит перелом в его взглядах. Он отказывается от материалистических взглядов и возвращается к православию, принимает участие в организации религиозно-философского общества им. В. Соловьева, сотрудничает с книгоиздательством "Путь".

Выслан из России в сентябре 1922 на «философском пароходе». Жил в Берлине, где учредил Русский научный институт и открыл Религиозно-философскую академию. Осенью 1924 переехал в предместье Парижа. Основал журнал "Путь". Руководил издательством YMCA-press. Был членом Братства Святой Софии.

«Кифа»: Отец Георгий, Вы всегда говорили о Бердяеве, как об одном из немногих подлинных мистиков. Значит ли это, что понимать его произведения возможно, лишь имея собственный мистический опыт? Он — автор «для немногих»?

Свящ. Георгий Кочетков: И да, и нет. С одной стороны, действительно, надо обладать духовным, внутренним и мистическим опытом, чтобы понять его утверждения, его логику и смысл, его дух в тех частях его произведений, которые являются собственно мистическими. С другой стороны, он, конечно, писал в расчете на понимание всякого человека, заинтересованного в духовной жизни, которая всегда несет в себе мистический элемент.

Поэтому в нем нет «гностического комплекса», еретического комплекса, он не «для избранных» в том смысле, что «одним дано, другим в принципе не дано». Он - для избранных в том смысле, в каком всё христианство - для избранных, для тех, которые избирают путь Христов и избираются Богом, прилагают к этому какие-то усилия сами и чувствуют свою избранность свыше. А таков по своему существу всякий человек на Земле. В этом смысле Бердяев всегда подчеркивал не просто элитарность, а именно аристократичность христианства, говоря об избранности христиан, известной нам из Евангелия. «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал» — говорит Господь. И Бердяев никогда не проходил мимо этого момента.

Но, с другой стороны, он был необыкновенно открыт, в нем никакой герметичности и, тем более, внутреннего сектантства не было, даже тогда, когда он защищал свои какие-то сугубо, казалось бы, особенные мнения. Впрочем, в этих мнениях он был и очень мобилен, он мог их иногда и менять, что ему делает честь.

«Кифа»: Каково, на Ваш взгляд, значение Бердяева для современной церковной жизни? Многие считают, что его опыт безвозвратно ушел и сегодня не воспринимается. Даже яростное отвержение его как еретика, как кажется, пошло на убыль и сменилось равнодушием. Со своей стороны, в академических кругах он часто не воспринимается как философ и богослов.

Свящ. Георгий Кочетков: Значение Бердяева для Церкви в огромной степени перспективное. Он и сам говорил, что пишет не для современников, что его плохо понимают даже те, кто воспринимает восторженно. Он, действительно, кем-то всегда воспринимался, а кем-то всегда не воспринимался. Он был человеком традиционным и в то же время всегда оригинальным и новым, как любой крупный мыслитель, как любой крупный духовный деятель. И чтобы его понять, нужно делать усилия и нужно иметь высокую культуру. И еще быть, как говорится, «в материале», т.е. знать не одних только святых отцов или букву Писания, или, тем более, одну лишь современную церковную практику. Надо знать, о чем он пишет, надо знать тонкости, надо понимать, откуда берется его мысль, чем она питается и где ее двигатель.

Что же касается равнодушия, то им сейчас обдают, пожалуй, все в христианском Предании, может быть, за исключением Священного писания - да и то тех, кто интересуется им всерьез, крайне мало.

Бердяев — человек необыкновенно живой мысли и живого духа, его дух — как ветер, и надо жить этим духом, чтобы начать понимать Бердяева, тем более воплощать в жизнь то, о чем он писал. Так что оглядываться назад здесь не следует, не следует смотреть на то, за

кого почитают его люди — за пророка, за гностика, за философа, богослова или за еретика.

«Кифа»: Возможно ли творческое развитие наследия Бердяева, прежде всего того, что воплотилось в его поздних произведениях?

Свящ. Георгий Кочетков: Творческое развитие всегда возможно, если это наследие живое. Дух дышит где хочет. Тот, кто воспринимает Бердяева, неизбежно входит в область любви и свободы. Какая же это будет, интересно, любовь, если она будет мертвой? Или свобода — если она будет мертвой, если не будет никакого развития, никакого движения? Кто-то, а Бердяев прекрасно знал, что значит это движение в духовной жизни, понимал его ценность и его особенность, отличающие его и от просто механического движения, и от развития по принципу «отрицания отрицания» или по другим диалектическим законам мира сего. Есть важнейшие темы, поставленные Бердяевым — тема свободы, тема богопознания, тема мистического и мис-

симо цели, потому что он сам прекрасно справлялся с теми недостатками и ошибками, которые мог иметь и совершать. Всем известна его склонность спорить - а в споре человек, занимая какую-то одну позицию, может иногда оказаться односторонним. И Бердяев, возвращаясь в спокойном состоянии к предмету спора, всегда был готов себя поправить и восполнить, был готов признать достоинства своих противников и оппонентов — будь то оппоненты церковные или общественные, культурные или какие-либо еще.

Если он после войны выбросил в Париже из окна красный флаг — чего ему до сих пор особенно не могут простить — то ведь для него это было равнозначно тому «ура!», которым бы он приветствовал победителей фашизма. Ничего другого за этим не стояло. Он был горд своей страной, своим народом, он прекрасно понимал, что победил народ, а не Сталин. И он никогда не поддерживал при этом Сталина и советскую систему, это слишком очевидно для всех, кто читал его произведения. Но люди —

Н.А. Бердяев и его слушатели — члены РСХД. Клермон, 1927г.

териального в жизни Церкви, тема личности и ее творчества. В конце концов, тема Церкви как общины. Это всё категории и темы, которые никогда не будут закрыты, пока существует история, пока течет историческое время.

«Кифа»: Его часто упрекают в противоречивости, «неправедности» его личной и общественной жизни. Можно и нужно ли защищать его от этих нападок?

Свящ. Георгий Кочетков: А кого когда не упрекали в противоречивости, в недостатках личной, общественной и церковной жизни? Можно так обвинить кого угодно. Даже Христа, как известно, обвиняли за каждое слово, искажая, извращая Его слова.

Бердяев был человеком, безусловно, благочестивым, но трезво понимавшим свое недостойнство, свою человеческую немощь и греховность, и в то же время прекрасно знавшим силу Божью, которая освобождает и очищает человека. Для него, как человека, живущего творчеством, человека, живущего свободой духа и вообще - в духе и в созерцании, мистическом созерцании, прежде всего, и антропологическом созерцании, все обвинения били, так сказать, просто

на Западе и на Востоке, у нас и в Париже — часто относятся к жизни идеологически. И поэтому, конечно, понять эти знаки не хотят и не могут. Они не понимают, что иногда важно разорвать цепи идеологических схем, важно показать другую сторону медали, даже в нашей жизни, которая никогда не обладает качеством совершенства и абсолютной целостности.

Он, как любой человек в мире, был человеком своего времени, и понятно, что в иных условиях или в иной культуре его темы будут звучать как-то по-новому, но они будут все равно его темами. И не случайно он был единственным русским мыслителем XX века, которого почти сразу переводили на любой язык, несмотря на его скромное общественное положение. Он не имел ни богатств, ни особых титулов и званий, и тем не менее его влияние на культуру XX века огромно, и оно будет продолжаться дальше.

И в России, я полагаю, оно тоже будет укрепляться — хотя бы среди тех, кто имеет живое сердце, среди тех, кто ищет для того, чтобы найти, просит для того, чтобы получить, и стучится для того, чтобы ему отворили.

БЕРДЯЕВ О ЦЕРКВИ

К концу книги 1907 года о новом религиозном сознании Бердяев, надеясь на русскую духовность, пишет и подчеркивает:

Только в связи со святыней православия, с этим крепким базисом, может открыться для нас новое.¹

Чем выше надежда, тем более безнадёжным однако предстает состояние исторической церкви. Она

омертвела, выродилась, превратилась в быт, соблазнилась искушениями и творится в ней мерзость запустения, слишком часто напоминает она блудницу.²

Где, кроме как в надежде, располагается крепкий базис? В искусстве, творчестве, свободной мысли.

Догмат и обряд уже не могут поэтому впредь оставаться опорой христианства. Вместо них авторитетом становится "непосредственное религиозное восприятие". Оно выше церкви и самого Писания. Оно соборно, объективно. Но проверяется оно только самим же собой и потому нуждается для верности своих шагов во всей полноте доступного человеку знания.

Церковь должно мыслить органически, как живой организм, вырастающий из мистической глубины мировой жизни.³

Упустить что-то из этой целостности и сбой неизбежен. Церковь должна вобрать в себя весь размах человеческого чувства, разума и искания. Она должна вернуть себя культуре, которую отлучила от себя, когда свободе искания стала предпочитать исполнение обрядов.

Мы живем в переходную религиозную эпоху, когда нужно не отлучать от церкви, а присоединять к ней, привлекать к ней сердца... Религия не только не противоположна "жизни", философии, общественной, искусству, но она есть хорошая жизнь, истинная философия, справедливая общественность, прекрасное искусство.⁴

Когда церковь сумеет без страха принять богатство жизни, она возвратит искателю, художнику, философу уверенность в создаваемой ими культуре. Ощутив себя не рискованной авантюрой, а службой Бога, творчество соединится со святостью. Жизнь станет таинством.

В свете этого видения историческая церковь даже лучших времен показывает себя конечно убогой или хуже. Восстановление христианства потребует новой догматики и таинственной иерархии. Обновление веры - первая задача человечества. Мистическая революция уже совершается в невидимой глубине истории. Мир возвращается к своему Творцу. Важнее этого события нельзя ничего себе представить.

Какая-то новая, мирская и свободная религиозность нарождается в мире и не может она уже примириться с рабской и елейной религиозностью старого сознания.⁵

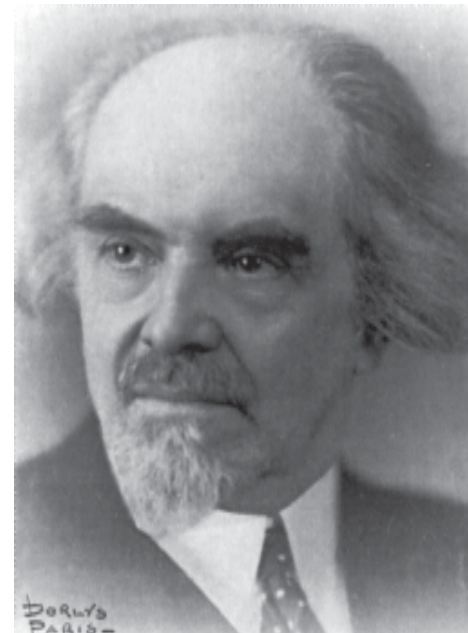
В книге IV "Русской мысли" за 1908 год на книгу Бердяева недоверчиво откликнулся Семен Владимирович Лурье (1867-1927), к тому времени уже сотрудник этого журнала. Поколения подвижников сделали историческую церковь такой же надежной, как каменные храмы, в которых веками молятся люди. Когда-то еще новое религиозное сознание успеет на практике создать что-то подобное. Слом сложившегося удастся, но, полагаясь не на право и обычай, а на чувство, не растеряются ли новые люди? Одновременно в "Вопросах философии и психологии" (1908, IV) кратко выступил Адольф Маркович Лазарев (1873-1944), философ, близкий к Льву Шестову. Он принял книгу Бердяева как симптом нарастающего духовного брожения, не увидел конкретности в замысле новой веры и посоветовал автору развивать имеющийся у него талант уточнения философских понятий. Резче, как

угрозу "обществу простых православных христиан", осудил новое религиозное сознание Мережковского и Бердяева в брошюре того же года "верующий сын Церкви" Н.П.Розанов⁶. Профессор Московской Духовной академии Михаил Михайлович Тареев (1967-1934) выделил в Бердяеве положительную сторону широкой отзывчивости (правда, без оригинальности), литературного таланта, движения от марксизма к христианству⁷, но не принял всерьез идею теократии, анархического общества с властью единого Бога. Разве христианство по своей сути не оставляет в стороне властную структуру? Оно не от мира сего, благодатно, сверхприродно и призвано освящать государство свыше, не вмешиваясь в его естественное развитие. Доктор медицины и философ Павел Васильевич Мокиевский (1858-1927) не нашел у Бердяева ни намека на реальные пути и способы духовного обновления, а потому и никакого религиозного творчества⁸. Фантазия плохо дисциплинированного ума не даст обществу ничего нового. Лучше не баловать себя иллюзиями, чтобы разочарование потом было менее горьким.

Подборка этих отзывов в издании 1999 года⁹ хорошо показывает типичную реакцию на бердяевскую проповедь. Тревожно увидеть себя снова перед непочатым краем работы.

Ни одна из исторических форм христианства не была Вселенской Церковью, ни в одном из исторических вероисповеданий подлинное православие не завершилось, не исполнилось обетования и пророчества.¹⁰

Мы снова стоим с пустыми руками. Но именно начинать небывалое всегда призван каждый. Бердяев зовет не гадать, в какие отдаленные времена и как осуществится пророчество, а сейчас соединить собственным усилием двух расколотых, повседневность и церковь. Сде-

лат так, чтобы они не теряя себя стали миром.

¹ Николай Бердяев, Новое религиозное сознание и общественность. Москва 1999, с. 275.

² Там же.

³ Там же с. 256.

⁴ Там же с. 259, 261.

⁵ Там же с. 284.

⁶ Н.П.Розанов, О "новом религиозном сознании" (Мережковский и Бердяев). Издание отдела публичных богословских чтений при Обществе Любителей Духовного Просвещения. Москва: Печатня А.И.Снегирева 1908.

⁷ М.М.Тареев, Религия и общественность // Богословский вестник, 1909, т. 2., июнь, с. 229-259; июль-август, с. 424-460.

⁸ П.В.Мокиевский, К характеристике современных течений // Русское богатство, 1908, № 2, с. 59-73.

⁹ Николай Бердяев, Новое религиозное сознание..., с. 291-440.

¹⁰ Там же с. 287.

Доктор философских наук, академик РАЕН В.В. БИБИХИН

МИФОЛОГЕМЫ УХОДЯТ

Интервью с академиком РАЕН С.С. Хоружим

«Кифа»: Сергей Сергеевич, сейчас в академических кругах к творчеству Бердяева отношение как минимум амбивалентное, иногда - отрицательное...

С.С. Хоружий: Неясно, что это за круги... Едва ли у нас есть некое цельное сообщество, в рамках которого можно было бы говорить о каком-то консенсусе. Просто не существует никакого ярко выраженного интереса к его творчеству.

«Кифа»: Да, может быть, более логично было бы говорить о равнодушии. Тем не менее существует ли какой-то круг мыслителей, которые обращаются к этому опыту, может быть, как-то дискутируя с ним, может быть, как-то развивая его?

С.С. Хоружий: В целом, Бердяев сейчас не воспринимается активно. Я особенно за этим не слежу, но мне не вспоминается никаких интересных монографий по нему. В чисто историко-философском плане у нас достигнут неплохой уровень, ведутся конкретные исследования, в том числе посвященные тем этапам, к которым принадлежит Бердяев, т.е. эпохе Серебряного века. В частности, есть неплохой ежегодник, который выпускается по истории русской мысли - там найдем и материалы, связанные с Бердяевым. Чисто историко-философские, исторические, биографические исследования идут, и многое известно нам уже гораздо детальней, чем в советский период. А что касается концептуальных разработок... что же, и они делаются, только лучше бы их не было. В философии у нас полностью воссоздалась, и под водительством тех же фигур, казенная советская Система, неременная часть которой - ритуальное остепенение. И вот - те самые замечательные люди, что успели при большевиках защитить диссертации "Разоблачение идеалистической философии Бердяева", сегодня руководят диссертациями "Проблема свободы у Бердяева" или, скажем, "Персонализм Бердяева". Эстафета поколений, так это у них в "Правде" назы-

валось. За пределами же этого позорища, пожалуй, ничто нам не говорит, что Бердяев - сколько-нибудь перспективный автор на сегодняшней идейной сцене.

«Кифа»: Вы несколько раз подчеркнули - "у нас". А за границей?

С.С. Хоружий: За границей еще и менее того. Там не делается и этих исторических и фактографических штудий. Конечно, мир - это большая территория, и университетов много, какие-то диссертации по Бердяеву по инерции могут еще писаться. Особенное влияние он имел во Франции, там продолжает вло существовать Общество Бердяева, изредка выпускается бюллетень... Но мне именно философские диссертации за последний период не известны. Если бы я порылся в памяти, одна-две работы, по меньшей мере, какие-либо статьи, пришли бы, вероятно, на ум - но ведь ежели надо специально припоминать, то ясно уже, что речь идет лишь об исключениях, подтверждающих правило. А правило - оно вполне определено: как активный фактор мировой мыслительной, идейной ситуации Бердяев не присутствует. Имеется, впрочем, его присутствие в общекультурном контексте - Серебряный век уже становится частью положенной эрудиции не только для философов, но и для журналистов, пишущих на "идейные" темы, поэтому знание Бердяева, уже не такое мифологизированное, искаженное, как раньше, но реальное, предметное знание в известной мере присутствует. Скажем, когда говорят о христианском персонализме, вполне реально, чтобы не только упомянули Бердяева, но и процитировали подходящие места...

«Кифа»: Если говорить о персонализме. Многие считают, что наша эпоха - эпоха антропологического кризиса...

С.С. Хоружий: В частности, и я так пишу.

«Кифа»: Поэтому может казаться странным, что та часть наследия Бердяева, которая связана с персонализмом, в

такой ситуации не привлекает серьезного внимания. Может быть, это связано с тем, что его плохо понимают?

С.С. Хоружий: "Школьное" знание Бердяева сейчас все-таки имеется. Как раз в советское время оно было искаженное, мифологизированное, скорее наслышное. А сегодня - я не думаю, чтобы здесь присутствовала особо крупная степень непонимания. Он не Бог вест какой сложный автор, яркий, но более или менее понятный. Дело скорее в другом. Тема личности сегодня сохраняет острую актуальность, даже наращивает ее - под воздействием самого внушительного набора факторов: угрожающая антропологическая ситуация (чего стоят одни масштабы суицидального терроризма!), нигилистическая отмена личности (в форме отмены, "смерти" всех ее философских коррелятов - смерти Бога, субъекта, индивида...) в одних секторах современной мысли, усилия нового конституирования личности на базе таких концептов как Другой, отношение, диалог - в других секторах, наконец - last but not least! - развитие богословия личнос-

ти в Православии, от Вл.Лосского до Иоанна Зизюласа, на базе глубже понятого патристического дискурса. Старый персонализм не отвечает на эти современные вызовы, ибо трактует личность в рамках обанкротившегося метафизического дискурса субъекта-индивида-Абсолюта. А персонализм Бердяева - к сожалению, именно этот старый метафизический персонализм. Православному богословию наших дней принадлежит, быть может, важнейшие, перспективнейшие продвижения к чаемому новому пониманию личности и человека - однако Бердяев, увы, имеет к ним отдаленное отношение.

Но при всем том, остается ценным сам бердяевский пафос личности и свободы, его истовое, пламенное утверждение этих начал - особенно сегодня, когда наша Россия, кажется, готова в очередной раз их предать в пользу власти и силы: начал, которые были низкими для Бердяева - которые являются низкими для меня, следом за ним - и которые, я убежден, не могут служить высшими началами ни для единого христианина.

Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин на съезде РСХД в Саароне. Май 1923 г.

"Православие обладает свойством соборности в отличие от католицизма с присущими ему папизмом и клерикализмом"... Подобную внушительную фразу - давно излюбленный православными полемистами тезис - сегодня все труднее произносить с чистой совестью. Скорее вспомнится достаточно свежее замечание прот. Виталия Борового о том, что современная еклесиологическая практика католиков лучше, чем их не очень хорошая теория, в то время, как у православных все наоборот.

Конечно, идеализация состояния дел в Западной церкви (а родная действительность все продолжает провоцировать в нас склонность думать, что за "буром" - в данном случае межконфессиональным - "все ОК") свидетельствовала бы лишь о незнании ее реальных проблем. Тем более, что в последнее время уровень проблематичности современной еклесиологической (как и литургической, канонической и др.) практики Католической церкви, преобладавшей в своем сознании и самосознании поистине впечатляющий путь от Тридента до Второго Ватикана, в определенных аспектах как будто бы вырос. Казалось бы, разве не естественно надеяться на то, что жесткая иерархическая вертикаль церковного устройства, разделение на "церковь учащую и церковь учащуюся", "профессионализация" церковных служений вместо изначальной всеобщности "царственного священства" и другие, как принято считать у православных, специфически католические деформации церковной жизни, просто не имеют будущего на фоне современного принципиально неиерархичного западного общества? Однако сегодня можно говорить хотя и не об исчерпании обновляющего, освежающего импульса великого собора (все же чаяния многих католиков продолжают быть созвучными его решениям), но об определенных, местами весьма осязаемых признаках отхода от его духа, а порой и буквы. Взять хотя бы неоднозначно воспринятую в христианском, в том числе и католическом мире за некоторые конфессионалистские нотки ватиканскую энциклику 2000 г. "Dominus Iesus" ("Господь Иисус"). Или тот факт, что сегодня в Католической церкви кое-где "на местах" можно встретить не только практический отказ от черт богослужения, придающих ему элементы соборности, общинности и большого осмысления его участниками, но и попытки научно обосновать принципиальную правильность его средневековых черт, таких, как чтение Писания лицом к алтарю, а не к общине.

Почему, несмотря ни на что, возникли и набирают силу тенденции ностальгии по атрибутам дособорного, "старого доброго" католицизма - вопрос непростой и требующий отдельного разговора. Но, как бы то ни было, очевидным представляется одно: католическая мысль, не стеснявшаяся, рефлексирует над проблемами своей церкви.

Статья, выдержки из которой мы публикуем ниже, написана человеком, не только много лет последовательно отстаивавшим идеи Второго Ватикана и их воплощение в жизнь, но и бывшим непосредственным участником их выработки. Это свящ. Бернгард Геринг (1912-1998), один из ведущих богословов Католической церкви минувшего столетия. Будучи по приглашению папы Иоанна XXIII одним из экспертов при подготовке Второго Ватиканского Собора, он играл заметную роль в разработке некоторых его важнейших документов. Особенно значителен его вклад в подготовку Пастырской конституции о Церкви в современном мире "Gaudium et Spes" ("Радость и надежда").

При всем несомненном влиянии на формирование официального учительства Католической церкви, по ряду вопросов Геринг имел собственные суждения, отличные от этого учительства. Некоторые места из его трудов навлекли на него подозрения Ватиканской Конгрегации, тщательно следящей за чистотой вероучения, а со стороны особых "ревнителей" - и ярлык еретика. Тем не менее, церковные власти никогда не применяли к нему санкций. Читая размышления о.Бернгарда, невольно начинаешь проводить определенные параллели с реалиями собственной церкви, а проведя их - пытаешься ответить на вопрос, возможно ли сегодня хотя бы отчасти близкое размышление над этими реалиями в нашей церковной прессе. Ответ, увы, видится лишь в форме парафраза известного анекдота советских времен. Встретились католик и православный, разговорились о свободе выражения мнений в своих церквях. Католик заявляет: "Я могу публично критиковать наш папизм, и меня за это не подвергнут преценкам". Православный: "Эка невидаль? Я свободно могу публично критиковать ваш папизм. И - никаких преценений!"

ОБ ОБНОВЛЕНИИ ПЕТРОВА СЛУЖЕНИЯ

Я намеренно говорю "Петрово служение" вместо "папство". Обертон, связанные с последним словом, к сожалению, тормозят подлинные попытки диалога.

Вдохновленные екуменическими успехами II Ватиканского Собора, многие католики вовлекаются в горячее желание приведения Петрова служения в соответствие с Евангелием, опытом ранней Церкви и знамениями времени. Это желание разделяют многие другие христиане, представленные во Всемирном Совете Церквей - органе, устранившем все основные препятствия ко христианскому единству.

II Ватиканский Собор, вдохновленный Иоанном XXIII и Павлом VI, призвал не просто к устранению малых недостатков. Мы нуждаемся в преобразованиях и структурных изменениях папского института для его возвращения к библейским истокам и историческому опыту первых веков христианства.

Петрово служение

Поражающе значимый новозаветный образ Петра и деятельность его самого помогают нам понять особенность его служения. То, что Иисус доверил ему особое служение, является несомненным. Петр обнаруживает себя непризванным (spontaneous), он инициативен и в решающих с точки зрения действия Духа случаях обращается прямо к Иисусу, своему Владыке. Но его предательство, проистекающее из ложного, слишком земного понимания Мессии, шокирует. Иисус квалифицирует его как "сатанинский соблазн".

Однако, видя сквозь потрясающее непонимание Петра, Иисус обещает ему его полное обращение. Например, Деяния Апостолов (1:15-26) рисуют роль Петра в выборе замены Иуды Искариота. Объявив, что символическое число Двенадцать должно быть восстановлено, он предоставляет поиски всей общине. И когда оказываются найдены два приемлемых кандидата, он, вместо разыгрывания карты своей власти, с радостью предоставляет решение вопроса жребию.

Петр и первоначальная Церковь не были шокированы, когда Павел "лично противостоял ему" по важному вопросу, поскольку Петр был неправ (Гал.2:11). На так называемом Иерусалимском соборе 51 г. Петр играет определяющую роль - но опять-таки не проявляя власти решать. Ранее он открывает новую перспективу, крестя язычника Корнилия и всю его семью (Деян. 10:2). Тем не менее, это не создает того впечатления, что Петр взял первенство благодаря своей первопродической активности.

Епископ Рима осуществлял особую функцию от начала - однако не как преемник Петра, но потому, что оба - и Петр, и Павел - проповедовали Евангелие и свидетельствовали своим мученичеством в Риме. Он с очевидностью проявил ответственность за всю Церковь, как и патриархи Антиохии, Александрии и Иерусалима.

Мирские атрибуты

Церковь не является ни монархией, ни олигархией. Она, как провозгласил II Ватиканский Собор, есть "странствующий народ Божий", являющая (миру) пример своими внутренними взаимоотношениями, своей историей, своей способностью к диалогу, при уверенности в действии Духа Божьего "во всем и через все" и неизменно целостного видения всех вещей.

Однако, начиная с императора Константина, церковь постепенно стала приобретать монархические - порой даже абсолютно-монархические - структуры, мирские атрибуты, триумфалистскую помпезность и нелепые почетные титулы. Столь же вредоносной для ее образа стала тенденция сакрализации этих черт. Церковь, так убедительно зывающая к обращению отдельного человека, должна признать, что сама нуждается в глубинном обновлении своих структур, форм обращения к людям и образа мышления - словом, в подлинном обновлении.

За последнее столетие церковь разработала здоровую социальную этику и базовые принципы солидарности и до-

полнительности. Тем не менее, существующие структура и практика церкви включают составляющие, все более противоречащие этим принципам. В управлении и учительстве все идет сверху вниз, с исключительной тенденцией к монополистической власти. Церковь даже претендует на монополию на истину и всеохватный способ внутреннего управления.

На II Ватиканском соборе церковь открыто объявила себя синодальной и коллегиальной структурой. Но до сих пор римские синоды епископов, ограниченные совещательной ролью, почти не имеют влияния. Решения, принятые ими большинством голосов, рассматриваются как ни к чему не обязывающие.

I Ватиканский Собор установил четкие ограничения папской безошибочности. Без ясно выраженного принятия этих ограничений конституция «*Pastor Aeternus*» о папской безошибочности не смогла бы выиграть необходимого числа голосов.

Учение I Ватиканского Собора о примате папской юрисдикции, действующее и поныне, увязано с представлением о коллегиальности на всех уровнях бытия церкви. Это было особой заботой II Ватиканского Собора.

Тем не менее, папство остается серьезным препятствием, которое может быть преодолено только его новой практикой, соблюдающей принцип дополнительности. До тех пор, пока продолжается такая практика, как назначение и смещение епископов Римом, никакими объяснениями роли папы этого препятствия к единству не преодолеть.

В ранние века церкви никто и не думал о том, что епископ Рима может назначать других епископов. Даже сегодня подобной идеи - если не затрагивать практику - не существует ни в одном из основных патриархатов Востока. Централизованное назначение епископов и сопровождающая его система централизованного управления - это пережиток эры политического централизма и авторитаризма. В сегодняшней демократической культуре, признающей принцип дополнительности действующим во всем секулярном мире (включая папство), эта система представляет серьезный исторический повод для отчуждения.

Что касается избрания епископов, отправной точкой здесь должна быть практика первого тысячелетия. Церковь в целом не нуждается здесь в каком-то едином процессе или модели. Епископские конференции сегодня могут выполнять функции древних патриархатов и устанавливать правила не только для назначения епископов, но и для такой деятельности, как сертификация профессоров богословия. Общецерковное каноническое право может и должно быть менее жестким. Структуры синодов должны быть укреплены и должны ощутимо действовать, допуская различие форм в зависимости от культурной ситуации. Бдительность и ответственность должны составить замену централизованной системы управления.

Больше, чем символ

Преемник Петра - больше, чем просто символ единства. Его долг - положительное служение делу единства всех христиан. По причине коллегиальной природы этого служения мы не можем вернуться к выборам епископа Рима римским клиром совместно с римским церковным народом и епископами соседних епархий. Избрание папы является действием величайшей важности, подобающим вселенской Церкви.

Этот процесс имеет богатую историю со своими светлыми и темными сторонами. Круг избирающих постепенно расширялся, но, не ранее понтификатов пап Николая II (1059) и Александра III (1179), единственной категорией избирателей стали кардиналы - процесс развивался по аналогии и в подражание монархическому принципу наследования. Кардиналы, тогда немногочисленные, рассматривались как "сыновья" папы, который, таким образом, образовывал династию с наречением узкого круга наследников.

История господства в деле избрания папы кардиналов, родственников и так

называемых безбрачных "сыновей" включает крайне шокирующие периоды, когда евангельская атмосфера узнавалась с трудом.

И коли уж папе дана фундаментальная роль епископа Рима, подобающей этой роли было бы приглашение восточных церквей и традиционных церквей-митрополий, находящихся в общении с Римом, к выработке собственных предложений по будущим выборам и к сотрудничеству с некоторыми из избирателей.

Равным образом в церковном избрании нового пастыря должны участвовать и председатели епископских конференций во всем мире, как и другие выдающиеся люди - как мужчины, так и женщины. Включение в этот процесс последних кажется мне неизбежным и прогрессивным шагом на пути осуществления Петрова служения для всего народа Божьего в перспективе обновления церкви в соответствии со знаменами времени.

Присущее Петрову служению желание христианского единства делает это служение сегодня как никогда важным. Ради обретения своей евангельски ориентированной формы оно должно стать существенно проще, чем нынешнее временное своей традицией папство. Его характеристики не должны простираяться за пределы характеристики талантов одаренного человека.

Следует полностью освободить это служение от чуждых исторических наплевов, от секулярных декораций и нелепой помпы. Такие титулы, как "ваше святейшество", принадлежат прошлому. Какой гротеск - папа назначает "прелатов чести" от имени "своего святейшества"! Подобные титулы насквозь фальшивы. Уже само слово "прелат" подчеркивает господство над другими, а сам папа именует себя "мое святейшество"! Папа должен не только перестать назначать "пурпураносцев", но покончить со всей этой сложной и нелепой системой почетных титулов и служебных продвижений.

Замысловатая система наград и наказаний на папской службе подвергает опасности чистоту мотивов. Должен будущий папа отказаться и от своей роли политического лидера среди мировых правителей - это действие приведет к отмене всей системы нунциатур. Евангельское свидетельство обретет большую силу, если папа и епископы явным образом воздержатся от вовлеченности в политику. В этом случае связь поместных церквей с папством будет поддерживаться через епископские конференции, посылающие к апостольскому престолу представителей. Каналы информации неизбежно станут более открытыми и свободными от вмешательства политики.

Многие люди полагают, что Католической церкви ввиду ее вселенского долга следует мужественно пересмотреть два догмата, определенных I Ватиканским Собором - догмат о непогрешимости и догмат о папском примате. По моему обдуманному мнению, в этом нет необходимости. Будет достаточным - и во всех смыслах полезным - если вся церковь и папа в особенности, проявив реализм, признают принцип дополнительности. В этом случае папский авторитет может быть зарезервирован для наиболее острых и критических ситуаций, сохраняя свой вес при отсутствии подозрений в стремлении к власти и господству.

Что касается догмата о безошибочности, я уже сопоставлял этот догмат с догматической конституцией Pastor Aeternus - своего рода "страховочной сетью", натянутой I Ватиканским Собором в последние часы его работы.

Следуя моей неоднократно высказанной личной позиции, полагаю, что должен ее окончательно прояснить. Радикально обновленное Петрово служение смогло бы значить для всей Церкви и для восстановления христианского единства гораздо больше, чем связанное своей традицией папство.

Сокращенный перевод статьи: Church needs renewed Petrine ministry. National Catholic Reporter, October 17, 1997. Оригинал взят с сайта www.catholic.com
Перевод, предисловие и подготовка статьи к печати Дмитрия MATBEEBA.

ДИАЛОГ И ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ЦЕРКВИ

Проблема интеркоммуниона в англикано-православном диалоге в жизни Содружества св. Албания и преп. Сергия в 1930-е годы

После падения советского режима в Церковь пришло много новых людей, которые, не будучи научены основам православия, часто отрицательно относятся к экуменизму, считая его ересью, и со страхом смотрят на Запад, полагая единственным путем соединения Церквей переход христиан других конфессий в православие.

С другой стороны, отказ видеть существующие различия, игнорирование разнотерпимости часто ведут к несанкционированному и безответственному интеркоммуниону, который по своей сути яв-

Фреска Иоанны Рейтлингер в часовне св. Василия Великого Дом содружества. Лондон.

ляется проявлением крайнего индивидуализма и малой церковности.

Как это непонимание всей трагедии разделения христиан, так и небрежение заповедью Христа о единстве, к сожалению, весьма распространены среди современных постсоветских православных. Свою роль в этом играет плохое знание истории церкви, причин разделения христианских конфессий, а также истории экуменического движения.

Русская Православная Церковь уже в XIX веке вела серьезные переговоры с англиканами, старокатоликами и восточными дохалкидонскими Церквами о восстановлении общения, строя свои отношения с инославными на принципах братской любви и пастырской «икономии», но при этом всегда свидетельствуя о православии. Эти отношения впоследствии получили название «православного экуменизма». Впервые в истории межцерковных отношений вопрос о соединении Церквей на таком высоком уровне как церковный собор, был поставлен на Поместном Соборе 1917-1918 гг. В его составе был образован особый «Отдел по соединению Церквей», в первую очередь для соединения англикан и старокатоликов с Православной церковью. На последнем заседании Собора 7/20 сентября 1918 г. было решено образовать служащий этим задачам постоянный орган, подобный Отделу, при Священном Синоде с отделениями в России и за границей.

Претворению этого постановления Собора в жизнь, (как и всего прочего, что было намечено Собором), помешала революция 1917 г. и гонения на церковь в России. Но диалог с инославием продолжался силами русской православной диаспоры на Западе, которая представляла РПЦ на всех важнейших экуменических конференциях 1920-х — 1930-х гг.

Одним из наиболее перспективных экуменических диалогов после революции оставался диалог с англиканами. Большую роль в его развитии сыграло образованное в 1928 г. русскими православными и представителями так называемой Высокой Церкви (High Church) в Церкви Англии Содружество св. Албания и преп. Сергия, существующее до настоящего времени. К сожалению, в России мало известно о Содружестве и о его деятельности, оказавшей значительное влияние на распространение православия в Англии и образование Сурожской епархии. На русском языке есть только сборник избранных статей из журнала Содружества «Соборность», изданный ББИ в 1998 г. В этом журнале, являющемся официальным органом Содружества, содержится ценный материал для изучения экуменического движения.

Главными пунктами англикано-православного диалога с самого начала были

вопрос о признании православными апостольского преемства англиканской иерархии и тесно связанный с ним вопрос о возможности общения англикан и православных в таинствах, т. е. интеркоммуниона.

Возникнув и распространившись в протестантской среде, практика интеркоммуниона стала предметом обсуждения и на встречах англиканских и православных иерархов и богословов в 1920-1930-х гг. Но особенной остроты обсуждение интеркоммуниона достигло в такой неофициальной организации, как Содружество св. Албания и преп. Сергия, что было связано со сделанным в 1933 г. предложением о. Сергия Булгакова — вице-президента Содружества — об осуществлении частичного интеркоммуниона между членами Содружества. Этот факт известен, но мало описан в русскоязычной церковно-исторической и богословской литературе.

В отношении к проблеме интеркоммуниона, наряду с различными позициями англикан, наиболее ярко проявились две разные экуменические позиции русских православных, тесно связанные с пониманием ими границ Церкви (канонических, мистических и мистериальных).

До создания Содружества отношения православных и англикан характеризовались следующими основными чертами: 1) инициатива исходила от англикан, а православные были довольно пассивны; 2) переговоры велись лишь узким кругом иерархов и богословов без участия мирян; 3) главным пунктом переговоров было признание законности англиканской иерархии.

Содружество дало англикано-православному диалогу «новую силу и новое видение». Оно явилось первым опытом тесных отношений между англиканами и православными, своего рода «англикано-православной лабораторией», где идеи экуменизма получали практическое воплощение. Содружество создало уникаль-

Комитет конференции Содружества. 1933г.

ные возможности для того, чтобы христиане Востока и Запада могли узнавать друг друга лично и представило православным возможность практического осуществления своего понимания соборности на пути к достижению христианского единства. Впервые акцент был поставлен не на том, что разъединяет, а на том, что объединяет англикан и православных. Конференции Содружества были важной школой терпимости, куда христиане приходили для того, чтобы внимательно слушать друг друга и учиться даже у тех, с кем они были не согласны.

Эти новые отношения между православием и инославием в корне изменили работу по христианскому воссоединению. Главной отличительной чертой Содружества в первый период его деятельности — 1928-1939 гг. — явилась активность русских православных. Этот период представляет наибольший интерес, т. к. в это время были заложены основные направления деятельности Содружества. Это и время участия в его работе наиболее известных русских религиозных деятелей, таких как о. Сергий Булгаков, о. Георгий Флоровский, Н. Бердяев, А. Карташев, Г. Федотов, Н. Арсеньев и другие. О. Сергий Булгаков и о. Георгий Флоровский играли ведущую роль в Содружестве со стороны православных, хотя их экуменические позиции сильно различались. Исходившая от русских православных инициатива об осуществлении частичного интеркомму-

ниона между англиканскими и православными членами Содружества, была связана с осознанием ими в 1930-х гг. своей пророческой миссии по отношению к Западу.

Главным вкладом Содружества в экуменическое движение является евхаристический подход к воссоединению; оно было первым обществом в экуменической области, поставившим богослужение в центр всей своей деятельности. На первой англо-православной конференции о. Сергий Булгаков предложил совершать англиканскую и православную евхаристию попеременно на одном алтаре. Эта революционная в то время идея стала установившейся практикой во время проведения конференций Содружества. О. Сергий был убежден, что участие в евхаристическом богослужении является важным шагом в направлении примирения между конфессиями. Он горячо защищал идею, что те англикане, которые всецело разделяли православную веру, должны были просить у своих епископов благословение на причастие с православными, получив предварительно разрешение и благословение на это от православных архиереев. По его мнению, общение в таинствах дало бы и православным, и англиканам опыт совместной церковной жизни, а это помогло бы им увидеть друг друга в ином свете и найти новый подход к спорным вопросам. Следует подчеркнуть, что частичный интеркоммунион, предложенный о. Сергием, совсем не означал открытого и беспредельного интеркоммуниона, противником которого был и сам о. Сергий Булгаков, и другие православные члены Содружества. План интеркоммуниона, предложенный о. Сергием, не был осуществлен, однако акцент на литургии, который делало Содружество в своей работе, обогатил экуменическое движение.

Дискуссии об интеркоммунионе выявили внутренние противоречия православных в их отношении к христианскому Западу, два различных понимания ими Церкви и ее границ. Эти противоречия явились препятствием для плодотворной работы православных в экуменической области.

Первый подход, представителем которого был о. Сергий Булгаков, наряду с убеждением в том, что православная Церковь содержала всю полноту церковной жизни, допускал наличие Церкви и за пределами православия. Согласно ему, все крещенные во имя Святой Троицы являются членами единой Церкви, при этом расколы и ереси являются внутрицерковными заболеваниями. Убеждение в том, что православных отделяет от англикан не ересь, а схизма, а также наличие единства в исповедании основных догматов делало возможным совместное участие в таинствах православных и англикан.

Второй подход, представленный о. Георгием Флоровским, связан с утверждением, что без предварительного преодоления богословских разногласий общение в таинствах невозможно. О. Георгий был убежден в том, что сакраментальная граница между православной Церковью

и другими Церквами, в том числе англиканской, может быть преодолена только путем возвращения их в Церковь эпохи Вселенских соборов. По его мнению, открытие заново богатств греческой патристики должно было позволить другим конфессиям пройти тот же путь по направлению к древней Церкви, который совершило русское богословие.

Позиции англикан также различались.

Наряду с принятием возможности практики интеркоммуниона с православными членами Содружества, что было естественным для тех англикан, которые положительно относились к интеркоммуниону с протестантами, другие англиканские члены Содружества выступали против интеркоммуниона. Подчеркивая, что главным для христиан является единство со Христом, и что в Церкви и отдельный человек, и церковная община учатся умирать для себя, чтобы участвовать в жизни единого Тела Христова, они видели опасность для членов Содружества в сосредоточении на себе самих, на том, что они делали, и в принятии интеркоммуниона как средства выражения

Православные члены Содружества (среди них о. Сергий Булгаков, митр. Евлогий (Георгиевский), А.В. Карташев)

своего братства, забыв о том, что Содружество важно не само по себе, а как свидетельство о единстве христиан.

Несмотря на всеохватность англиканства, на размытость его границ, для англикан было неприемлемо принятие соглашения, с которым не все согласны, и многие из них не одобряли слишком большой спешки в отношении воссоединения с православной Церковью. Основной задачей для них оставалось применение «икономического» интеркоммуниона, причем частый интеркоммунион между англиканами и православными не поощрялся.

Выявившиеся различия в понимании Церкви и ее границ членами Содружества, в свою очередь, свидетельствовали о том, что ни у православных, ни у англикан не было общепризнанной разработанной экклезиологии. Определение Церкви и ее границ продолжает оставаться насущной задачей и для современного православия. От этого напрямую зависит участие православных в экуменическом движении и существование самого движения.

Марина ВИКУЛОВА
По материалам журнала
«СОБОРНОСТЬ»

В статье использованы фотографии сай-
та <http://www.sobornost.org/about.htm>

На конференции Содружества, 1929 г.

Сегодня в рубрике, посвященной истории, современному опыту православных братств,

мы помещаем материалы, связанные с жизнью Преображенского содружества - объединения малых братств Москвы и других городов России.

По словам председателя содружества Владимира Рыжикова, прошедший год поднял множество проблем: «В течение этого года для всех нас были выявлены приоритеты жизни. Произошло понимание того, что если человек живет в разных не взаимопроницающих пространствах, то он от этого очень много теряет». Наши сегодняшние публикации - это и рассуждения о роли христианской любви в братской жизни, и обсуждение проблемы взаимоотношений сильных и слабых членов братства. В дальнейшем поднимая тема будет продолжаться не только в жанре репортажей или размышлений, но и путем публикации воспоминаний и документов, связанных с пятнадцатилетней историей Сретенско-Преображенского братства.

НАЗОВЕМ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ

Нам хорошо известно, что разговор о любви во Христе самый непростой, потому что нет ничего более подверженного спекуляциям, искажениям, даже злоупотреблениям. Слово «любовь» в церковной среде, если говорить о церкви эмпирической, настолько замуссировано и замусолено, что лишней раз, без отсылки к апостольскому, к евангельскому пониманию того, о чем говорится, его боязно произносить. Потому что любовь - это выражение той реальности, в которой Церковь живет и в которой, собственно, она является как Церковь.

В этой связи стоит всегда помнить, что любовь, которая должна быть свидетельством церковности жизни, в первую очередь выражает ту самую динамику движения от мира, который должен быть решительно оставлен, к той реальности Царства, к которой Церковь движется. Именно любовь - это и есть инобытие Церкви, иначе говоря, по отношению к миру. Это, по крайней мере, означает, что то, что в мире зовется любовью, всякий раз должно быть поставлено под вопрос: о чем идет речь? О мечте, которую вынашивает каждый человек, душа которого «по природе христианка», и которая исполняется в Церкви, или о пристрастиях, которыми живут люди мира сего вполне сознательно и по-своему честно называя это любовью?

Вероятно, всякое искажение, всякое недоразумение по поводу того, что мы называем любовью во Христе, происходит именно от этой путаницы, когда любви Христовой почему-то навязываются категории

мира сего.

Чаше всего это прямо связано с тем, что сознание христиан утрачивает упомянутый динамизм. Если мы в своей жизни становимся статичны, если она лишается динамики, если не видно движения, не видно того, что в Евангелии и у апостола Павла называется преобразованием жизни, тогда любовь эта поневоле становится просто некоей благоустностью (в чем плохого самого по себе ничего нет).

Благоустность - это такая внешняя умиротворенность, разнуженность существования, которая просто позволяет как бы закрыться от того тяжкого мира, в котором этой благоустности почти не видно. Это не есть собственно любовь Христовая, это не то, что является предметом усилия христиан, это просто то, что хочется найти, чтобы обрести отдохновение от суровости той жизни, из которой всегда хочется убежать. Но дело в том, что из нее бегут все люди, не одни только христиане чувствуют такую чужеродность. Но не пленяем ли мы в этом случае сами себя иллюзией, что вот такая благоустность, такое выпадение на некоторое время в ситуацию, где нет хотя бы мирской жесткости в отношениях, собственно и есть наше призвание?

Думаю, что иллюзорность такого представления очевидна. Дело в том, что такая благоустность не требует особенных усилий, не требует никакого «сражения до крови». Она требует просто желания выпаст из жесткости и суровости мира сего, она требует некоего исповедания своей усталости, сво-

ей благородно-интеллигентской непримиримости к миру сему. Но есть ли в этом какое-то движение к иному, к тем образам Царства, которые мы находим в Евангелии и у апостолов? Кажется, что нет.

Но ведь не секрет, что такая опасная иллюзия существует. Если апостол Павел в знаменитом тексте 13-й главы 1-го Послания к коринфянам, которую всегда хочется прочитать целиком, напоминает нам о том, что любовь, по крайней мере, не ищет своего, то поиск этой благоустности, где мне хорошо и пусть будет всем хорошо, это ведь и есть не что иное, как поиск своего. И претензии, которые возникают по поводу того, что кто-то позволяет себе нарушить эту стоящую благоустность, это ведь тоже плод того, что в призывах двигаться можно увидеть покусение на свое.

Если нам хорошо, зачем нам куда-то? Ведь чтобы куда-то двигаться, надо подвизаться, как известно. Что такое подвизание, все, кто имел касательство к новозаветным текстам, знают, и помнят, какие там суровые слова обычно употребляются: сражение до крови, война с духами злобы поднебесной и т.д. Если на таком фоне говорить о любви, сразу возникает совершенно другое ощущение. Это как раз то, чего статическому сознанию и не хочется. Статическому сознанию хочется прожить свою жизнь здесь незаметно, в атмосфере благоустности, обьявив ее для красоты существованием церковным, спасительным и т.д.

Хотя, как известно, от сознания благоустности очень часто

проистекает еще одна иллюзия - что, в конце концов, если Господь милосерд, то спасаются все хорошие люди. А хорошие люди - это как раз те, которые не чужды этому духу благоустности, которые это умеют, по жизни которых это видно. И неужели же милосердный Господь их не спасает?

Выпадение в эту странную антитезу, спасает или не спасает Господь тех или других, почему-то неминуемо приводит к исчезновению из поля нашего внимания того, что составляет нашу главную тему - церковности.

Можно ведь очень долго спекулировать по поводу того, до каких пределов простирается милосердие Господне, но в этом ли в первую очередь состоит озабоченность церковностью своего существования, об этом ли идет речь, о такой ли надежде напоминает нам апостол Павел, когда говорит: мы спасены в надежде?

В надежде на то, что милосердный Господь не оставит никого без своего участия? Но для этого не нужна надежда, как духовное подвизание, как одна из верховных духовных христианских добродетелей. Для этого нужна просто надежда отчаявшегося человека, которому больше не за что зацепиться. Надежда же, присутствующая в апостольских текстах - это всегда призвание христиан, наряду с верой и любовью, это то, что нужно в себе культивировать, это как раз то, что выражает движение; не застой, а именно движение к Царству.

Из выступления Давида ГЗГЗЯНА на Сретенской встрече Содружества

МОЖНО ЛИ УПРЕКАТЬ СЛАБЫХ?

выдержки из слова священника Георгия Кочеткова на встрече Свято-Георгиевского братства 29 февраля 2004 г.

Однажды мне уже пришлось отвечать на вопрос "Надо ли ориентироваться на сильных или на слабых?". Очевидно, что не надо ни на тех, ни на других. Не надо ориентироваться ни на сильных, ни на слабых, надо ориентироваться на Бога. Нам сказано: "взирайте на начальника, на совершителя вашей веры - Господа нашего Иисуса Христа". Не сказано "взирайте на сильных" или "взирайте на слабых". Слабым надо помогать, сильных тоже надо поддерживать. Но ясно, что не надо ориентироваться ни на тех, ни на других.

Давайте смотреть правде в глаза. Ведь мы себя не случайно считаем слабыми. Иногда мы действительно очень слабы и тогда это для нас оправдание того, что мы живем только на приходе. Там минимальная ответственность. Там минимальны сложности, связанные с общением. Общение - это крест. Помните, владыка Сергей (Королёв) назвал это "подвигом общения"? Нас, сегодня здесь собравшихся, всего 120-130 человек. Что, разве мы все готовы к этому подвигу общения? Я думаю, что многие не готовы. А без подвига общения невозможно и община. А без общины невозможно подлинное христианское братство. Всем понятно, что община и братство - вещи взаимосвязанные. Нельзя быть членом общины, не будучи братским человеком, как нельзя быть братским человеком, не будучи членом общины. Един-

ственным исключением у нас был Сергей Сергеевич Аверинцев, да и то только формальным исключением. Формально он не был членом какой-нибудь общины, но реально он, конечно, участвовал и в общинной жизни. Просто, как говорится, не имел "постоянной прописки". И это уже настолько не соответствовало реальности, что мы, как раз накануне его болезни, собирались предложить ему стать членом нашей первой общины... Он был, безусловно, и братским, и общинным человеком, потому что подвиг общения он нес, причем удивительным образом. Он соединял в себе и в жизни великие вещи, он мог делать то, что никому не под силу. Я думаю, что сейчас во всей нашей стране нет ни одного человека, который обладал бы такими высокими качествами. Ни одного - ни в церкви, ни в обществе. Это кое о чём говорит... Поэтому мы можем говорить, что мы жили в эпоху Аверинцева.

И все-таки. Можно ли упрекать людей, которые оказались в какой-то момент слабыми? Наверное, не стоит, если только люди не бегут с поля боя - по трусости, по малодушию, по маловерию. Вот если бегут - тогда стоит их упрекнуть: "Ты что здесь делаешь? Ведь Господь поставил тебя на другое место. Так не говори, что ты слаб и поэтому не можешь быть в братстве и в общине". Но всё-таки много совсем других случаев,

когда, действительно, люди оказываются в какой-то момент слабыми. Это не очень связано с физической слабостью. Мы все прекрасно знаем людей, которые физически были очень слабыми (к слову говоря, Аверинцев физически был очень не из сильного десятка), но которые являли собой силу и величие духа. Человек может быть и бывает сильным не своей силой, а силой Божьей. Человек даже не имеет права говорить о себе "я слаб", потому что в Евангелии говорится: "всё возможно верующему"! Только лишаясь дара Святого Духа, этого "дара сыноположения", дара усыновления Богу, как говорится в анафоре литургии св. Василия Великого, мы действительно становимся слабыми, и тогда мы не можем нести ответственности за других.

Конечно, многие люди, идущие в церковь, как бы готовятся к тому, чтобы считать себя и быть по жизни слабыми - так исторически сложилось. Поэтому многие люди, которые ощущают себя сильными, и не идут в церковь - вы это знаете, надеюсь? Они говорят: "Нам в церкви нечего делать, потому что это для слабых". Так сложилось не сейчас, это складывалось веками. Увы, завсегдатаи храмов слишком часто показывали себя слабыми в деле Божьем, в добре, красоте, общении, истине и любви.

Нам нужно быть трезвыми для того, чтобы преодолеть все эти вещи. Завершилась кон-

стантиновская эпоха церковной истории. Надо, чтобы вся церковь вновь стала общинно-братской, как это было до Константина. Но это еще не совсем реальность сегодняшнего дня. Поэтому не будем идеалистами, не будем витать в облаках, не будем желаемое выдавать за действительное. Здесь очень, очень нужно трезвение, а не только трезвость. Я думаю, что у нас здесь нет готовых ответов на все возникающие вопросы. Так, нам бывает не всегда понятно, что сказать многодетным мамам, или пусть не многодетным, но тем, которые не могут себя организовать иначе, кроме как с утра до ночи быть при своих неболагодетных детях, при "слабом" муже или больных родственниках. Или тем, кто полностью, по рукам и ногам, связан своей "любимой" работой. Или тем, кто действительно всерьез еще не воцерковился, хотя формально, может быть, прошел даже полную катехизацию, и еще многим другим. Мы не можем механически воспроизводить в жизни всех свою общинно-братскую жизнь. Мы должны очень хорошо понимать её границы - для кого она дана уже сейчас. И быть очень деликатными с теми, кто сейчас в эти границы войти не может по каким бы то ни было причинам, кроме одной - кроме малодушного бегства с поля духовного боя.

Мне кажется, об этом нужно думать всем. Только тогда, когда с обеих сторон будет на-

правлена большая воля и духовная сила, когда и одна сторона захочет преодолеть свою слабость, противоречащую Евангелию, и другая сторона будет готова помочь ей в этом и будет знать, как это делать, а не просто будет хотеть помочь - вот тогда мы не будем терять людей. Тогда же можно будет найти формы жизни в общинах и братствах и для тех, у кого есть особые обстоятельства в жизни. Ну а пока давайте с терпением и с любовью относиться к каждому случаю и ко всем тем, кто на сегодняшний день не берёт на себя подвиг общения в общине или подвиг братолюбия в братстве! (Шум одобрения в зале)

КАК ПРОЙТИ ПОСРЕДИНЕ МЕЖДУ ИОСИФЛЯНАМИ И НЕСТЯЖАТЕЛЯМИ?

Из редакционной почты

Уважаемая редакция!

Хотел бы высказать ряд мыслей в отношении опубликованного в одном из последних номеров вашей газеты интересного материала о христианском владении собственностью.

Во-первых, как мне показалось, не совсем корректно сформулирован главный вопрос "Что значит владеть собственностью по-христиански". Во-вторых, подвопрос "Возродится ли в России традиция братских и общинных владений" отнюдь не связан напрямую с первым и в принципе представляет собой отдельную тему. А в-третьих, каждый из интервьюируемых говорит о своем, о наблевшем, и такое впечатление, что все рассуждают о разных предметах, отнюдь не скрепленных единой тематикой.

Если все же попытаться ответить на вопрос, обозначенный как тема номера, то предварительно хотелось бы сделать пару замечаний. Потребительские качества и свойства собственности не изменяются в зависимости от того, кто ей владеет: христианин, иудей или язычник. Это вещь объективная, из мира сего. Смысл владения собственностью заключается в том эффективно или неэффективно она управляется. Например, у иудеев собственность вообще рассматривается как один из даров Бога человеку, который обеспечивает ему средства существования в этом мире и возможность исполнить его святое предназначение. Интересно, кстати, в связи с этим, что Тора не считает право собственности абсолютным. Право на собственность обусловлено тем, как мы ею пользуемся. Пока мы используем его на благо общества, оно наше, если же во вред ему - мы лишаемся этого права.

Так вот, собственность, как и любой предмет быта, может быть освящена христианским владением, но при этом не изменяются законы ее использования (разбитое корыто не превратится в избу, скатерть не станет самобранкой, а ковер самолетом). Примеры использования полученной собственности косвенно нам предлагает и Евангелие (ну, так сказать, прямолинейное толкование). Всем известно: "кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет" (Мф 4, 25), и притча о талантах (Мф 25, 14-30) - то есть мало сохранить, надо приумножать (примечательно, что в одном из апокрифов данный талант не просто сберегается, а расточается, за что тоже следует соответствующая кара, более оправданная в нашем понимании справедливости, но христианину предлагается совершенно новая высота). О том, как это плоское прямолинейное толкование будет реализовано на практике и применено к владению собственностью и расширенному производству, мы и поговорим ниже.

Если касаться в рамках сформулированного главного вопроса, то есть "Что значит владеть собственностью по-христиански", то ответ на него есть. И в общем-то положительный. Такой пример владения собственностью нам дает протестантство, где основными признаками спасения являются сила веры, продуктивность труда и деловой успех, где деловая сметка и богатство богоугодны, а расточительность и невыгодное капиталовложение стали греховны. Все человеческие труды, какими бы низменными они ни были, вполне способны прославить Бога. Труд стал потенциально продуктивным актом восхваления. Трудясь для Бога, христиане в состоянии достичь

чувств удовлетворения и самоуважения, которых иначе достичь нельзя. Все это было положено в основание протестантской трудовой этики. Изменение статуса труда благодаря этой этике является показательным. Не случайно те регионы Европы, которые приняли протестантизм, вскоре оказались экономически процветающими - таковым оказалось неожиданное следствие нового религиозного значения, придаваемого труду. Об этом, кстати, очень хорошо написано у М. Вебера в его книге "Протестантская этика и дух капитализма".

И, к сожалению, прав Сергей Бармин, когда замечает, что "активные христиане чаще всего бывают пассивными работниками". С тем лишь добавлением, что относится это, положив руку на сердце, в основном к православным христианам (причем независимо от того, просвещены они или нет). Может, не всегда, может, не везде, но исключения лишь подтверждают правила. Интересно в этом отношении воспоминание М.Е.Салтыкова-Щедрина, когда он, впервые поехав за границу, был поражен видом засеянных полей: "Под опасением возбудить в читателе недоверие, утверждаю, что репутация производства так называемых "буйных" хлебов гораздо с большим правом может быть применена к обиженному природой прусскому поморью, нежели к чембарским благословенным пажитям, где, как рассказывают, глубина черноземного слоя достигает двух аршин... Здесь же, очевидно, ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а, напротив, денно и нощно только одну думу думали: как бы, среди песков да болот, с голоду не подохнуть. В Чембаре (городок в Пензенской губернии - прим. авт.) говорили: а в случае ежели Бог дожжичка не пошлет, так нам, братцы, и помирать не в диковину! а в Эйджкунене говорили: там как будет угодно насчет дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны!". Вообще у русских писателей можно много найти подобных мест, что давало, в свою очередь повод нашим западникам выводить отсюда мораль о природной лениности православных и бесшабашности в ведении хозяйства.

Так что делать? Где спасительный круг? Так и хочется указать на умный и правильный Запад. Вон мол, какие молодцы. Просто так деньги не дают, "бессмысленно, никакого толку". Давайте зарабатывать сами. Только не надо забывать, что практическим следствием такого подхода к труду было принятие в ряде протестантских стран Запада сурового законодательства против бродяг. Призрение нищих, рассматривавшееся в католицизме как одно из "добрых дел", протестантизмом осуждалось - милосердие понималось прежде всего как предоставление возможности обучиться ремеслу и работать. То есть серьезно трансформировалось само понимание милостыни. Она уже была не только "от избытка", но и обуславливалась рядом обстоятельств.

"Аскетика в трате денег" тоже достаточно удобно вписывается в выше рассматриваемую этику. Вот как обозначал это Вебер: "ему (предпринимателю-протестанту - прим.авт.) чужды показная роскошь и расточительство, упоение властью, ему присущ аскетический образ жизни, сдержанность и скромность". Богатство дает ему ощущение хорошо исполненного долга. Вот еще любопытная деталь. Протестантская этика регламентировала весь образ жизни христианина: её требова-

ния относились к производственной и социальной (законопослушание) дисциплине и качеству труда; она осуждала пьянство и разврат, требовала крепить семью, приобщать детей к труду и обучать читать и понимать Библию; истинный христианин обязан был быть опрятным в быту, аккуратным и прилежным в труде, честным в выполнении обязательств. То есть своеобразный "домострой" в западном варианте.

В православии же такое рачительное отношение к собственности можно было найти разве что только у старообрядцев да, пожалуй, у нескольких крупных монастырей. Но последние, как правило, славились своей ортодоксальной направленностью и "крепкими" игуменами-хозяйственниками. И, сказать честно, более-менее постоянно получали довольно щедрые пожертвования из различных источников (но будем уж честными до конца - по-хозяйски ими распорядиться надо тоже уметь).

Что касается ответа на подвопрос к главной теме, то прежде всего необходимо понять - есть ли чему возрождаться? Где те благодатные примеры, от которых можно оплодотвориться (подняв на знамена которые, можно двигаться вперед). Можно, конечно, привести в качестве образца опыт Трудового братства общины Н.Н. Неплюева. Но он будет все же несколько специфичен. И за счет личности Н.Н. Неплюева, и за счет покровительства общины некоторыми членами монархической династии, и за счет устройства самой общины. Да к тому же жизнь любой общины в городских условиях, где братчики в основном представляют работников "умственного труда", будет отличаться от жизнедеятельности сельскохозяйственной общины. Кстати, здесь надо заметить, что в городе постепенно генетически исчезает способность к хозяйствованию как таковому. Мы все становимся специалистами. Может быть, хорошими специалистами, но "узкими". В этом отношении работа по выкорчевыванию сорняков на грядке гораздо более плодотворна в духовном плане, чем, скажем, заполнение форм бухгалтерской отчетности (хотя опять-таки в протестантском понимании понятие призва-

ния не имеет ограничений, и выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая нравственная задача человека - таким образом, декларируется равенство всех профессий перед Богом).

Поэтому главный вопрос, как мне кажется, правильнее сформулировать следующим образом: может ли православный христианин эффективно управлять собственностью. И соответственно подвопрос - формы и методы работы православной общины с собственностью (хотя это звучит несколько книжно). Или совсем неожиданный вопрос - нужна ли православной общине собственность? Или как пройти посередине между иосифлянами и нестяжателями?

С братским лобызанием и поклоном
Андрей Кузнецов

P.S. Обратить внимание, что в притче о неправедном управителе говорится все-таки о неправедном управителе, а не о нерадивом. Всегда и во все времена люди, стремящиеся к богатству, славе, власти умеют добиться своего - правдами и неправдами, обманом, силой, хитростью, смекалкой, а те, кто стремится к "Царству Божьему и правде его" тонут в лени, расслаблении, равнодушии. Получается, что деньги и власть - более сильный стимул, если ради них человек готов отказаться от чего угодно, придумать какую угодно комбинацию, только бы добиться своей цели. Часто можно услышать, как люди жалуются на работу. Мол, как можно ей серьезно заниматься, все надоело, рутинно. Вот если бы бросить все и заняться чем-то полезным для человечества, чем-то светлым и прекрасным. Но таких занятий нет, а пока их нет, надо пересидеть и переждать на скучной и неинтересной работе, относясь к ней соответственно. Иисус же говорит нам, что не может доверить большого и важного дела, если мы в маленьком и не важном для судеб человечества проявить себя не можем. Как доверить людей, если человек за вещи отвечать не может? Если не начать относиться к каждому дню, как к тесту, который выясняет, годны ли мы делать большое и важное, то так можно всю жизнь просидеть в тоскливом ожидании.

ВЫШЛИ В СВЕТ "ОТЗЫВЫ ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ ПО ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ"

Издательство Крутицкого Патриаршего подворья при Синодальном Отделе по делам молодежи, совместно с Обществом любителей церковной истории в серии "Материалы по истории Церкви" выпустило в свет книгу "Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе" (М. 2004. Т. 1. - 1040 с., Т. 2. - 1056 с.). Книга вышла по благословению Архиепископа Костромского и Галичского Александра (Могилева), Председателя Отдела по делам молодежи Московского Патриархата.

Поместному Собору Православной Российской Церкви 1917-18 годов предшествовала большая подготовительная работа, продолжавшаяся на протяжении почти полутора десятилетий. К этой работе были привлечены лучшие научные силы того времени, в том числе профес-

сора духовно-учебных заведений, выдающиеся богословы, церковные историки, представители всей полноты Православной Церкви - епископы, клирики и миряне.

Начало подготовки Собора связано с Указом императора Николая II от 12 декабря 1904 г. о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. В феврале-марте 1905 года Комитет Министров во главе с С. Ю. Витте рассматривал общие вопросы веротерпимости и вопрос об отпавших от Православной веры, а также вырабатывал главные положения о правах старообрядцев и сектантов. К этой работе был привлечен митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), составивший особую записку "Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви". В ней говорилось о необходимости предоставления Православной Церкви свободы от государственно-бюрократического стеснения. Обе записки вызвали контр-записку обер-прокурора К.П.Победоносцева, посчитавшего, что современное церковное устройство не нуждается ни в каких существенных преобразованиях.

Вскоре вопрос о церковных преобразованиях был перенесен в Святейший Синод, где получил абсолютную поддержку синодальных членов, определенно высказавшихся за созыв Поместного Собора.

Однако синодальная инициатива не получила одобрения государственной

власти. В конце марта 1905 г. император наложил на синодальный доклад резолюцию, в которой признал "неблаговременным" созыв Собора.

К.П.Победоносцев, инициировавший царскую резолюцию на докладе Синода, предпринял еще одну попытку спасти существующую систему от намечаемых преобразований. Для этого по его представлению Святейший Синод разослал епархиальным архиереям Указ, в котором предлагалось высказаться по заранее намеченному кругу вопросов, касающихся церковной реформы. Так появились "Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе", поступившие в Синод к исходу 1905 г. и опубликованные Синодом в 1906 году в 4-х томах.

Нынешнее издание "Отзывов" приурочено к предстоящему столетнему юбилею с момента их составления. По мнению многих выдающихся церковных историков и богословов XX столетия "Отзывы" представляют собой "подлинный памятник русской церковной истории". "Нужно прочитать увесистые фолианты Протоколов Предсоборного Присутствия 1905-1906 гг. и Отзывов Епархиальных преосвященных, - писал протопресвитер Александр Шмеман, - чтобы видеть, как ответственно отнеслись живые силы Русской Церкви к продумыванию церковного устройства, какое усилие было сделано церковной мыслью, чтобы вечные начала Церкви, идеальную каноничность наилучшим

способом воплотить в снова изменившихся условиях жизни".

Действительно, в "Отзывах" содержится огромный материал по самому широкому кругу вопросов церковной жизни, не потерявших своей актуальности до сего дня: о созыве и составе Поместного Собора, о разделении России на церковные (митрополичьи) округа, о преобразовании местного (приходского, епархиального) и центрального церковного управления, о духовных школах, о церковном суде, о епархиальных съездах, о предметах веры, о кодификации церковного права, об упорядочении богослужения, о постовой дисциплине, о церковном пении и т. д.

Нынешнее издание "Отзывов" снабжено историческим введением и библиографическим указателем имен. Два тома имеют более двух тысяч страниц. Надо полагать, что переиздание "Отзывов" может стать заметным событием церковной жизни и послужит делу церковного возрождения в нашей стране. Книга будет интересна не только специалистам-богословам и церковным историкам, учащим и учащимся духовных школ, но и всем тем, кого волнуют проблемы современной церковной жизни.

Книга вышла небольшим тиражом (500 экземпляров). По вопросу приобретения можно обращаться в Издательство Крутицкого Патриаршего подворья в Москве. Телефон/факс (095) 276 - 3455

Источник: <http://www.mospat.ru/text/news/id/6565.html>

ВОЗМОЖНА ЛИ "ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ"?

Авдасев В.Н. Трудовое братство Н.Н.Неплюева. Его история и наследие. - Сумы: РИО "АС-Медиа", 2003. - 64 с.: ил.

О Воздвиженском трудовом братстве, как и об авторе настоящей книги - В.Н.Авдасеве, директоре музея "Трудовое братство Н.Н.Неплюева" в селе Воздвиженское Сумской области на Украине, "Кифа" уже писала (№ 8 (11)). Сегодня книгу В.Н.Авдасева о Неплюеве и созданном им братстве можно приобрести в Москве и Петербурге. Небольшая по объему, книга, тем не менее, способна вызвать немало размышлений и, думается, может быть интересна всякому, кто задумывается над судьбами любви в

этом мире и о том, насколько воплотимы евангельские идеалы в человеческом обществе.

Воздвиженское братство и было одной из таких дерзновенных попыток, главной движущей силой которой была уникальная личность Николая Николаевича Неплюева (1851-1908) - мыслителя, педагога, организатора церковной жизни, вдохновенного христианина, принесшего в жертву карьерные возможности потомственного аристократа ради воплощения живших в его сердце идеалов христианской любви. Он предстает перед нами удивительно масштабной и многогранной личностью, редкостью сочетавшей в себе незаурядные способности и мысли, и действия, ярко выражавшей духовно-нравственный поиск лучших людей своего времени. Много споров друг с другом Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев оказались едины в солидарности с ним и высокой оценке его деятельности.

Читатель найдет много интересного в описании устройства Воздвиженского братства, его деятельности, истории, взаимоотношений с современными ему обществом, светской и церковной властью; найдет он здесь и немало параллелей с сегодняшним днем. Однако книга была бы неполна без мыслей самого Неплюева. Прочтение написанных им строк дает возможность прикоснуться к тому, что питало и вдохновляло его созидательную активность. Сегодня многие в христианской среде не слишком любят рассуждения о любви, не видя во многих из них ответственности. Впрочем, ни слово «любовь», ни, тем более, она сама здесь не виноваты. Неплюев много рассуждает о любви и добре, но это совсем не способно вызвать оскомину излишней сентиментальности - скорее кто-то сочтет эти рассуждения из-

лишние рациональными. Любовь для него - это "святой огонь...", все озаряющий и согревающий своею живительною силою", но этот огонь нужно еще добыть, "высвободить из цепей себялюбия, гордости, лени, корысти и рабского страха", сделать любовь устойчивой, логичной, последовательной, дисциплинирующей волю. Неплюев остро переживает как раз то, что многие люди, рассуждая о любви и добре, на деле не любят ни того, ни другого. Он верит, что любовь в людях возможно воспитать, как и в то, что любовь может быть основой организации социальной жизни.

Здесь мы и подходим к трудному вопросу - насколько осуществим христианский идеал как "социальная модель"? Неплюевская вера в положительное решение означенного вопроса побуждает его действовать, воплощая подобную модель в жизнь. Воплощение это оказывается не без изъянов и внутренних противоречий - автор книги, об этом, слава Богу, не умалчивает, не было это секретом и для самого основателя братства. Сегодня, пожалуй, вопрос выглядит еще проблематичнее - прошедший век по понятным причинам еще менее располагает относиться с доверием к попыткам что-то, а тем более, кого-то на каких-то принципах организовать (не потому ли сейчас куда охотнее говорят о самоорганизации?), и, если и иные современники видели в неплюевском братстве опасную утопию, то сегодня тем более в стоянии рядом слов "любовь" и "дисциплина" могут углядеть призрак оруэлловского "Министерства любви", а слова автора брошюры о "дефиците либеральных ценностей" в братстве для многих мыслящих людей могут прозвучать почти как приговор всему делу Неплюева. Думается все же, что мы же не имеем права на слишком поспешные выводы - и не про-

сто потому, что как христиане обязаны воздерживаться от всяческих "приговоров". Опыт Неплюева и его трудового братства, какие бы несовершенства в нем ни замечать, родился из жажды правды, не ищущей своего, из ощущения острой недостаточности "казенной" синодальной церковности; он внутренне преодолел многие ее пороки, принес значимые, ощутимые и по сей день плоды. Он, безусловно, несовершен и не универсален - как, впрочем, как и любой опыт устройства совместной христианской жизни. Такой опыт - всегда поиск и этап на пути поиска. Церковь - не ветхозаветный храм, и нет детального "техпроекта" для ее строительства. Христос, создавая ее и давая ей "заповедь новую", не оставил при этом описания воплощения этой заповеди между братьями. Евангелие не дает нам в готовом виде ни, как бы мы сейчас сказали, "эксклезиологических моделей", ни, тем более, моделей социальных. В Новом Завете мы видим апостольскую общину с самим Христом во главе и первую Церковь, родившуюся в огненных языках Пятидесятницы. Это - данный Богом импульс, положенное Им начало, а дальше - видно, почему-то Спасителю это было важно - церковь требуется уже строить, невзирая на присутствующий в любом человеческом строительстве риск. Воздвиженское братство представляется важной вехой этого строительства, по достоинству оцененной лучшими людьми своего времени в России и за ее пределами. Да и сам его основатель - что важно для тех же мыслящих людей - был редкостью открыт ко всему независимо от национальных, конфессиональных и других рамок, в чем видел родство своей вере в Любовь и ее преобразующую силу.

Дмитрий МАТВЕЕВ

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.